

Вёрстка сборника уже была близка к завершению, когда пришла горькая весть. 2 августа ушёл из жизни Марат Михайлович Берковский (1930 — 2022). В 1954 году Марат с лёгкостью вписался в нашу семью, став мужем моей старшей сестры Иры, с которой они прожили душа в душу более шестидесяти лет. Это был красивый человек как физически, так и духовно.

Марат — человек непростой судьбы достойно прожил долгую жизнь. Его не сломали ни бедствия и лишения военных лет, ни тяготы сталинских лагерей. Свыше пяти лет (1948 -1954) Марат провёл в шахтах Инты (республика Коми) по надуманному обвинению в антисоветской деятельности в составе молодёжной сионистской организации, члены которой познакомились практически лишь во время судилища. Такой жизненный поворот мог сломать кого угодно. Однако Марат не только устоял, но и не утратил лучшие свойства своей души. Его до последних дней отличали высокая порядочность и рыцарское чувство собственного достоинства.

Будем жить дальше!

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

АРИТМИЯ

КЁЛЬН 2022

В. ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

*Посвящается памяти
Марата Берковского*

А Р И Т М И Я

КЁЛЬН 2022

Хотят ли русские войны...

30 лет назад на карте Европы появилось новое независимое суверенное государство Украина. Как любой растущий организм Украина все эти годы испытывала так называемые проблемы роста. При этом граждане Украины жили не хуже других, а возможно даже лучше многих иных. И вдруг, нет исторически не вдруг (но об этом несколько позже), их ближайший сосед, так называемый старший брат, под высосанным из пальца иезуитским предлогом начал планомерно оттяпывать по куску не принадлежащие ему территории, не считаясь с существующими международным законами и правилами.

Тучи над Украиной продолжали неумолимо сгущаться. С начала 2022 года российские средства массовой информации, не скрывая своей откровенной вражды и даже ненависти, писали и говорили только об Украине. Особенно преуспели в этом телевизионные программы «60 минут», «Время покажет» и «Вечер с Владимиром Соловьевым». Именно они своими круглосуточными вливаниями безостановочно зомбировали и продолжают зомбировать сознание большинства населения России. Создаётся впечатление, что все насущные проблемы в России уже успешно решены, что наконец в России наступило полнейшее благоденствие, буквально земной рай. Вот только осталась одна проблема — спасти «русский мир», подвергающийся в Украине едва ли не полному уничтожению. Ежедневно на народ Украины обрушивается море беззастенчивой полуправды, ядовитых фейков и откровенной лжи.

Мы с женой большую часть жизни прожили в Киеве. Я — еврей, рождённый в силу определённых обстоятельств в России в городе Новочеркасске; Татьяна — украинка, родилась в небольшом посёлке городского типа Буча (как зловеще сегодня звучит это слово), расположенном в 30 километрах севернее Киева. Мы оба говорили и говорим исключительно по-русски. И все вокруг нас тоже. В школе, в институте и на службе. Где бы мы ни работали, все говорили по-русски. На протяжении долгих прожитых

там лет мы никогда, подчёркиваю никогда, не сталкивались с какими-либо притеснениями людей, говорящих по-русски. Скорее чаще бывало наоборот. Можно было услышать обидные слова в адрес говорящих на так называемом суржике (смесь русского и украинского языков). И тут Россия во всеуслышание объявила — в Украине, оказывается, происходит геноцид русскоязычного населения. Ни больше ни меньше. Только в большой голове мог родиться подобный бред. Но я твёрдо знаю, кому принадлежит эта голова и кому не дают покоя лавры Адольфа Гитлера, произнесшего когда-то: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее толпа верит в неё». Однако мы также хорошо помним и то, чем он кончил. Хотя в России, судя по всему, многие стараются об этом не вспоминать.

Чтобы события сегодняшнего дня не показались оторванными от исторического контекста последних двух десятилетий, я позволю себе в этом месте сделать небольшое отступление в виде короткой справки.

Август 2008 года. Вооружённый конфликт в Южной Осетии и Абхазии, между Грузией и Россией, называемый в официальных источниках «операцией по принуждению к миру». Погибшими в нём считаются тысячи людей, но официальных данных, которым можно было бы доверять, пока нет. 27 марта 2022 года на фоне коварно развязанной войны с Украиной, Россия объявила там принудительную мобилизацию для отправки «ограниченного» контингента на убой в Украину. Ничего не напоминает?

Март 2014 года. После длительной подготовки и при активной военной поддержке России на фоне тщательно срежиссированного всенародного ликования Крым стал в нарушение всех норм международного права субъектом вороватой Российской Федерации. Достаточно припомнить, как этому государству достались Калининград (Кёнигсберг), часть Финляндии (Карельский перешеек, Сорталава, Выборг, Куолаярви и многое другое) и Курильские острова (затянувшийся должок Японии).

Апрель 2014 года. Вторжение на Донбасс вооружённых до зубов (на отпускные деньги) так называемых отпусков

ников из России, положившее начало гибридной войне в Донецкой и Луганской областях. 12 мая, после состоявшихся днём ранее референдумов о самоопределении и на основании декларации о суверенитете, была провозглашена независимость Донецкой Народной Республики (ДНР) и Луганской Народной Республики (ЛНР). При этом они выразили «добровольное» желание войти в состав России. Предлагаю обратить внимание непредвзятого читателя на то, что именно появление в Донецкой и Луганской областях «зелёных человечков» и «вежливых отпусковников» спровоцировало восьмилетнее противостояние украинцев против украинцев.

С этих «малозаметных» для мирового сообщества событий и началась в Украине затяжная вялотекущая война с большим количеством жертв, спровоцированная Россией и при её непосредственном преступном участии. Её национальный лидер Путин, усвоивший худшие черты, заимствованные из своего чекистского прошлого, осуществляет в нарушение всех существующих международных норм и правил беспрецедентную агрессию против дружественного (в прошлом) украинского народа. Мстительность, жадность, трусость и бессовестная лживость — главные движущие силы его поступков. Крутой пацан с рейтингом свыше 80% от оболваненного населения России. Ложь, изрыгаемая прикормленными СМИ, ежедневно обрушивается на и без того зомбированные головы электората, обеспечивающего национальному лидеру желанный рейтинг.

Восемь лет в Украине стараниями этого «миротворца» лилась кровь и гибли люди. Матери оплакивали своих погибших сыновей, многие дети больше никогда не смогут увидеть своих отцов, а жёны продолжают провожать своих мужей в безвозвратные командировки. В эти же годы в России гробовым, в полном смысле этого слова, молчанием встречали непрерывный поток «груза 200». Но кремлёвскому безумцу этого показалось мало.

24 февраля под утро не успевшая опохмелиться после празднования Дня защитника Отечества ошалевшая от

беспробудного пьянства орда российского воинства напала на Украину. В 4 часа утра они уже бомбили Киев и другие города Украины (ничего не напоминает?). Напали коварно, исподтишка, жертвуя молодыми жизнями собственных солдат, только ради выполнения кровавых приказов обидчивого пахана, возглавляющего Россию свыше 20 лет и возомнившего себя едва ли не властелином мира. Для оправдания своих преступных действий специалистами «министерства правды» была разработана изощрённая терминология. Понятные всем слова война, оккупация и блокада с иезуитской лёгкостью были заменены на «спецоперация», «вторжение» и «техническое окружение». Но страшная суть от этого никак не изменилась.

Прикрывая свой преступный замысел Путин в обращении к гражданам России 24 февраля 2022 года объяснил цель своей так называемой специальной военной операции: «Её цель — защита людей,

которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима». Однако никогда в Украине, или как раньше принято было говорить — на Украине, до 2014 года русскоязычное население не испытывало даже малейшего притеснения или ущемления в гражданских правах. В тоже время в последние годы СМИ России старательно вдалбливали в головы россиян, что в Украине власть захватили мифические бандеровцы, путая на всех уровнях понятия нацисты и националисты, которые якобы планомерно уничтожают русскоязычный люд. Это вынуждает меня очередной раз прибегнуть к Википедии, чтобы расставить необходимые точки над «і».

Украинский национализм — это националистическая

идеология, а также общественно-политическое движение, ставящие своими целями создание и развитие украинского самостоятельного национального государства и защиту национальной самобытности. Националисты стремятся в первую очередь к развитию национального самосознания, осознанию национальной общности группы людей (Википедия).

Что же здесь такого ужасного? Кому это может помешать или навредить? Да, действительно, эти догматы существенно противоречат навязшей в зубах советской идеологии, которая напрочь захлопывала двери перед реальными историческими фактами, жёстко насаждая в неокрепших умах были и небылицы коммунистической трактовки истории государства. В результате большинство россиян свято верят в то, что после обретения независимости (1991 год) власть в Украине захватили некие нацисты (бандеровцы), идеологом и вождём которых является лидер ОУН Степан Бандера.

Организация украинских националистов (ОУН) — это ультраправая националистическая политическая организация, декларирующая свою главную цель, как создание и укрепление самостоятельного единого украинского государства, которое должно было включать в себя все этнические украинские земли. Из программных документов и заявлений руководителей ОУН явствует, что её деятельность носила на разных исторических этапах антипольский, антигерманский и антисоветский характер. Иначе говоря, они в разные периоды боролись за свободу и независимость Украины с пришедшими на украинские земли оккупантами — поляками, немцами и советской властью. Основными методами их борьбы были диверсии и террор, что приводило к значительным жертвам. Долгие годы за отрядами ОПА и ОУН тянулся кровавый след. Но уже во второй половине пятидесятых годов с ними было окончательно покончено. Однако в воспалённом мозгу российского лидера прочно сложилась совсем иная картина. Будто вся Украина находится во власти возродившегося бандеровского движения. Тут-то и пришла в

голову нелепая формулировка: «Мы будем стремиться к демилитаризации и денацификации Украины». О какой денацификации идёт речь? Кто видел этих бандеровцев в современной Украине.

Да в Украине сегодня существуют ультраправые партии и объединения, но им всем вместе на последних выборах в Верховну Раду не удалось набрать даже необходимых 5% голосов. И вот с этими, так называемыми, «нацистами или бандеровцами» не может справиться одна из самых мощных армий мира. А не может потому, что пришли они в Украину, чтобы поставить на колени свободолюбивый украинский народ, получив от своих вождей карт бланш на беспрецедентный по своей жестокости террор мирного населения. Им сверху пусть и негласно было дозволено — идите, убивайте, грабьте, насилуйте, не щадя никого и ничего.

И подстрекаемая таким образом орда, опьянённая видом людской крови, ворвалась в мирные города и сёла Украины, творя свои чудовищные зверства. Весь мир был потрясён картиной, открывшейся после освобождения

Бучи — небольшого городка под Киевом. Эти страшные свидетельства, оставшиеся после ухода оккупантов из Бучи, заставила содрогнуться весь мир. Нельзя без слёз смотреть на превращённый в город-призрак российскими «освободителями» ещё совсем недавно прекрасный приморский город-полумиллионник Мариуполь, в руинах которого три месяца скрывались свыше ста тысяч непокорённых жителей города от зверств россиян. Чем же они лучше немецких захватчиков.

В результате непрерывных бомбардировок жители города

лишились электричества и всех видов связи, воды, закончились все запасы еды и были повреждены линии передач. Так в XXI веке на фоне малоэффективных санкций коллективного Запада в самом центре Европы появились новые Герника и Сребреница. Не сомневаюсь, что память людская сохранила эти страшные исторические факты. И всё же я позволю себе коротко о них напомнить.

Бомбардировка Герники. 26 апреля 1937 года немецкий

легион «Кондор» совершил авианалет на историко-культурный центр страны Басков город Герника с населением около

4000 человек. На город были сброшены сотни 50-килограммовых бомб, что привело к полному его разрушению. По данным современных исследователей, число погибших в Гернике превышало три сотни человек. Ещё не затихло эхо от разрыва бомб, ещё не успела остыть земля, как уже в мае великий Пабло Пикассо представил миру чёрно-белое полотно «Герника», являющееся и по сей день кричащим антивоенным символом.

Резня в Сребренице. В небольшом шахтёрском посёлке Сребреница на территории Боснии и Герцеговины с 11 по 13 июля 1995 года солдатами армии Республики

Сербской под командованием генерала Ратко Младича было осуществлено массовое убийство боснийских мусульман.

Эта так называемая резня в Сребренице

стала кровавым следствием распада Югославии и была признана Международным трибуналом актом геноцида. Точное число жертв не установлено, однако по оценкам судебных экспертов число убитых составило около 8000 человек.

Однако историческое прошлое Украины тоже насчитывает немало подобных трагических событий, связанных с непримиримой борьбой «Русского мира» против любой попытки создания независимого украинского государства. Напомню лишь о самых кровавых.

Батури́нская трагедия. Посёлок Бату́рин в XVII веке являлся гетманской столицей. Известно, что гетман Иван Мазепа в надежде на поддержку шведов в борьбе за независимость Украины от Московского царства выступил в Полтавской битве на их стороне. В ответ русский царь Пётр I дал приказ на проведение специальной карательной операции (ничего не напоминает?), во время которой московские войска под командованием князя Меншикова захватили Бату́рин. Они зверски перебили всех жителей (15 тыс), не жалея ни младенцев, ни стариков, ни женщин. Такова была месть Петра I гетману Ивану Мазепе за его решение выбрать для Украины европейский путь развития (ничего не напоминает?).

Период Симона Петлюры (1917-1921). Это были годы, образования Украинской Народной Республики. Именно в эти годы вновь зажглись огни освободительного движения, погромы главе которого стоял публицист, политик и организатор вооружённых сил Украины Симон Петлюра. Но и на сей раз попытки Украины обрести независимость завершились очередным поражением и жестокой расправой. Так в январе 1918 года русская армия оккупировала Киев, где беззастенчиво грабила и убивала мирное население города. Жертвами жесточайшего террора, организованного русской военщиной стали тысячи жителей многих украинских городов и посёлков. В 1926 году Симон Петлюра был убит в Париже анархистом Самуилом Шварцбурдом, который объяснил свой террористический акт, как месть за еврейские погромы. Существует и иная

версия, на мой взгляд более правдоподобная. Расправа с Петлюрой была очередной специальной операцией ОГПУ.

Бандеровский период. Очередным этапом украинской борьбы за независимость от России стал так называемый «бандеровский период». Степан Бандера в 1930-е годы возглавил Организацию украинских националистов и стал символом борьбы за свободу и государственность украинцев. С 1941 по 1944 год он был заключен в нацистский концлагерь Заксенхаузен. После войны эмигрировал в Западную германию, где и был убит в Мюнхене агентом КГБ Богданом Сташинским. «Бандеровцами» российская пропаганда называет воинов Украинской Повстанческой Армии, которая в годы Второй мировой войны воевала на два фронта – против нацистов и россиян.

Ночь 24 февраля 2022 года разделила мою жизнь на до и после. Возможно кому-то покажется странным, что человек в возрасте 83 лет надеется ещё на какое-то «после». Однако за всю свою довольно долгую жизнь мы ещё не испытывали столь яростных, с трудом сдерживаемых негативных эмоций, присущих скорее лишь молодому темпераменту. Мы засыпаем, когда удаётся, и просыпаемся с мыслями об Украине, безжалостно разрушаемой российскими оккупантами. Душу и сердце разрывает безмолвный крик, будто сошедший с картины Мунка.

Мы плём наши самые страшные проклятия в адрес их

параноидально-го лидера, но, к сожалению, безуспешно. Миллионы людей всего земного шара, я уверен, тоже посылают свою негативную энергию в

том же направлении. Но даже объединённые усилия почему-то до сих пор не складываются в неодолимую силу. Война длится и длится. Российские оккупанты, покорно

исполняя безумные приказы своего свихнувшегося вождя, с необъяснимой жестокостью убивают тысячи ни в чём не повинных людей, разрушают мирные города и сёла независимой Украины. Причём ключевым как раз и является слово «независимой».

В гебистском мозгу Путина никак не укладывается возможность существования свободной Украины. Он не может примириться с тем, что младший брат создал свою семью и зажил безбедно и счастливо. Он не может простить Истории развал Советского Союза. Ему тесны рамки существующих границ. Этот выходец из ленинградской подворотни, не скрывая своих непомерных амбиций, чувствует себя едва ли не властелином мира. Да вот незадача — мешает коллективный Запад. При этом, чтобы не выглядеть моськой, которая лает на слона, он выбирает объектом своей всепоглощающей мести свободную Украину.

И вот уже который месяца идёт эта братоубийственная война, лицемерно называемая «специальной военной операцией». Я уверен, что вряд ли в ближайшем обозримом будущем украинцы смогут назвать россиян своими братьями. Но я также категорически не согласен с развернувшейся борьбой со всем русским. В чём провинились перед современной Украиной выдающиеся русские писатели, музыканты, художники и учёные? Мы же не отказались после Второй Мировой Войны от великих представителей немецкой культуры. Мы по-прежнему наслаждаемся музыкой Моцарта, Баха и Бетховена, и восхищаемся произведениями Шиллера, Гейне, Гёте и Брехта. Я уверен, что со временем эти перегибы закончатся, вместе с победоносной войной украинского народа. «Жаль только — жить в эту пору прекрасную / Уж не придется — ни мне, ни тебе».

Уже всему миру стало известно, что творила российская армия в окрестностях Киева, во что они превратили Мариуполь, Харьков, Чернигов, Херсон, Сумы, всего не перечислить.

Но 24 апреля по одному из телевизионных каналов транслировали торжественную службу по случаю Пасхи — главного религиозного праздника православных хри-

стиан. В какой-то момент камера в подобострастном поклоне осторожно наехала на «главного» россиянина, который во всей своей фарисейской неотразимости истово осенял

себя крестным знаменем.

Было бы интересно узнать, с чем он обращается к Б-гу? Не сожалеет ли о том, что вчера, в канун Светлого Христова Воскресения было мало нанесено

ракетных ударов по жилым кварталам Одессы, что при этом погибли всего лишь шесть человек. Возможно он просит Всевышнего о помощи. А может быть он жалуется Ему на своих бестолковых генералов, которые, командуя подразделениями едва ли не самой мощной в мире армии, до сих пор не могут выполнить поставленные перед ними задачи. Блицкриг не состоялся, большая часть из имеющихся в наличии крылатых и баллистических ракет израсходована, Донбасс по-прежнему сопротивляется, а из Киевской области и вовсе пришлось с позором уносить ноги, оставив после себя ужасающие следы преступного терроризма. Что-то явно пошло не так.

Почти три месяца мужественно оборонялся Мариуполь, благодаря героическим действиям полка «Азов», представляющего военную структуру ультраправого объединения «Национальный корпус». Меня трудно заподозрить в симпатиях к их идеологии, но не может не восхищать их беспримерное мужество и героизм, проявляемые в этих нечеловеческих условиях. В уже упоминаемой мною речи Путина он со свойственной ему безапелляционностью и наглостью заявил: «Мы будем стремиться к преданию суду тех, кто совершил многочисленные, кровавые преступления против мирных жителей, в том

числе и граждан РФ». Стесняюсь спросить г-на Путина. Это вы о чём? Не о тех ли тысячах погибших мирных жителей, детей, женщин и стариков, в Мариуполе, Харькове, Сумах, Чернигове, Лисичанске, Северо-Донецке, Гостомеле, Буче и Ирпене. Я твёрдо верю, что такой суд действительно состоится. Очень хочется дожить до их судебного дня, и увидеть ёрзающих от страха перед неотвратимостью наказания на скамье подсудимых военных преступников во главе с Путиным и всех его приспешников из «министерства правды» таких, как Соловьёв, Скобеева и им подобная шваль. Очень длинная понадобится скамья. Это будет исторический суд, на котором всему миру будут представлены неопровержимые доказательства чудовищных преступлений российской военщины. Вот лишь несколько официально зарегистрированных примеров их злодеяний на Киевщине.

Ирпень. Муж, жена и три дочери — 5, 8, и 17 лет. Оккупанты поселились в их доме. Мужчину был застрелен в тот же день. На глазах матери насильовали детей. Девочки 5 и 8 лет скончались от нанесенных травм. Женщина и дочь 17 лет выжили, но находятся в больнице в тяжелом состоянии.

Жена, муж, сынишка 11 лет и овчарка. Мужчину был застрелен. Собаку убили и разрезали на четыре части на глазах ребенка и женщины. А потом в течение недели насильовали мать на глазах у сына. Мальчишку не тронули — «пожалели». Ребёнок потерял рассудок.

Гостомель. Мать и сын 16 лет. Сына застрелили. Женщину насильовали и избивали более 3 недель. Она умерла от травм.

Буча. Молодая семья. Найдены мертвыми. У обоих изувечены половые органы. Вдоль улицы лежат трупы людей в гражданской одежде с завязанными за спиной руками. «Вы говорите: это все Путин? Нет и нет. Это самые обычные простые русские... нет не люди. Это именно они побывали в этих городах. Это именно они насильовали женщин, детей и убивали мирных жителей не только по приказу, но и по своей звериной воле.

Никогда не забудем и не простим!»

Телефонный разговор. Русский солдат - «освободитель» звонит из Украины в Россию: «Насильовем женщин, детей, даже бабушек и веселимся!». А его жена в ответ просто хихикает.

Тут дело не в сексе. Они получают наслаждение от неконтролируемой власти, от вседозволенности, от вида свежей крови. Звери убивают себе подобных только чтобы унять голод. А эти творят всё это ради утоления своей дьявольской сущности.

Может ли быть лучшим развлечением, чем рвать промежность 5-летнему ребенку, резать грудь беременной женщине, снимая всё это на видео для куража и отчётности.

Глядя на свидетельства этих безумств наши сердца разрываются от ужаса и боли. Молчать нельзя. Нужно кричать об этой нашей боли! Мы должны использовать каждую возможность, чтобы наши слёзы были увидены во всём мире, чтобы трагедия Украины дошла до душ и сердец людей всего мира.

Четвёртый месяц продолжаются преступные боевые действия. Падают бомбы, гремит чудовищная канонада, стонет украинская земля под тяжестью российских танков и бронемашин. Гибнут тысячи людей с обеих сторон, погибают не только солдаты, но и мирные люди — дети, женщины, старики. Этот новый «кремлёвский мечтатель», так в 1920 году Герберт Дж. Уэллс назвал Ленина в своей книге «Россия во мгле», таким образом «спасает русский мир». Но сейчас, сто лет спустя, на кремлёвский трон взобрался уже не мечтатель, а кровавый маньяк, не ставящий и в грош человеческие жизни. А Россия теперь не во мгле, а в грязи, от которой ей уже никогда не отмыться. Скольких русских вы, русские, ещё убьёте во время этой

кровавой бойни? Сколько невинных жертв вам ещё понадобится, чтобы набить ненасытную утробу вашего национального лидера?

Я с ужасом слежу за страшной статистикой потерь с обеих сторон в этой безумной войне. Слежу и понимаю, что по понятным причинам нельзя доверять ни тем ни другим, что приводимые цифры явно занижены. Но, когда я слышу, что за 100 дней войны погибло свыше 300 детей и более 500 получили ранения и лежат в больницах, у меня готово остановиться сердце.

Матери России, что с вашими сердцами? Я не поверю, что вам не жалко этих детей! Подумайте о своих детях, которые сейчас убивают детей в Украине! Пожалейте своих детей! Скажите своё решительное материнское — нет войне! Только вы сможете остановить эту кровавую бойню!

И последнее. Даже моего наивного оптимизма недостаточно, чтобы верить в возможную победу Украины над Россией без реальной посторонней помощи. Слишком уж не равны военные и человеческие ресурсы двух стран. Зато я твёрдо знаю и свято верю в то, что победить Украину, поработив народ её, невозможно. И, если кремлёвским параноикам захочется продолжить свои кровавые игры, то их ожидает всенародное сопротивление такой мощи, что противостояние так называемых бандеровцев разного рода оккупантам в прошлом покажется просто детской игрой.

Июнь, 2022 год

АмКаре

Сердце, тебе не хочется покоя!

Скажу я вам по правде – в Германии болеть не только можно, но даже иногда и нужно. Однако в таком случае требуется неременное соблюдение двух предварительных условий. Во-первых, болезнь должна быть не очень тяжёлой, а во-вторых, и это, пожалуй, главное – недуг должен быть излечим. Ну, посудите сами, кому может понравиться тяжкое заболевание? Как говорить, ни себе, ни людям. Не даром для формулировки анамнеза той или иной тяжёлой болезни человечество придумало множество малопривлекательных слов, от упоминания которых начинает тревожно биться сердце. Болит, ломает, ноет, колет, тошнит, сводит, знобит и список, как вы понимаете, легко может быть продолжен. А если болезнь протекает ещё и в тяжёлой форме, то, как говорил в прошлом выдающийся футбольный комментатор Николай Озеров: «Нам такой хоккей не нужен». Что же касается заболевания неизлечимого, то это уж совсем неприемлемо. Правда, если ремиссия позволяет длиться долгие годы, то с этим ещё можно мириться. А куда, позвольте, деваться...

Итак, как говорится, ближе к делу. Наш персонаж, а речь, как можно предположить пойдёт обо мне, относительно благополучно прожил уже восемь десятков лет, более часто и разнообразно, но, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, не смертельно. При этом за годы, прожитые в Германии, я сумел изрядно потрепать немецкое здравоохранение. На протяжении четверти века мною с разной долей успеха занимались ревматологи, кардиологи, стоматологи, ортопеды, невропатологи, офтальмологи и, разумеется, врачи общей практики. За эти годы я проглотил килограммы таблеток и порошков, мне были поставлены сотни различных инъекций, я воспользовался волшебным действием десятка всевозможных капель и спреев. И, надо заметить, невзирая на всё это, мне удалось сравнительно успешно разменять девятый десяток. Уже давно моим девизом стала короткая фраза с оптимистическим призывом: «Живём дальше!». Даже в самых смелых своих фантазиях я не мог вообразить, что дотяну до столь почтенного возраста. Лишь благодаря всем выше перечисленным наследникам

Гиппократов, я всякий раз просыпаюсь с твёрдой уверенностью, что завтра придёт новый день, несущий новые идеи и перспективы, требующие моего непосредственного участия.

Однако после очередного обследования у кардиолога мне объявили, что родной аортальный клапан почти напроцёт забит холестериновыми отложениями. И как результат – стеноз. А это означало, что я срочно (практически по жизненным показателям) нуждаюсь в операции по

ным механическим.

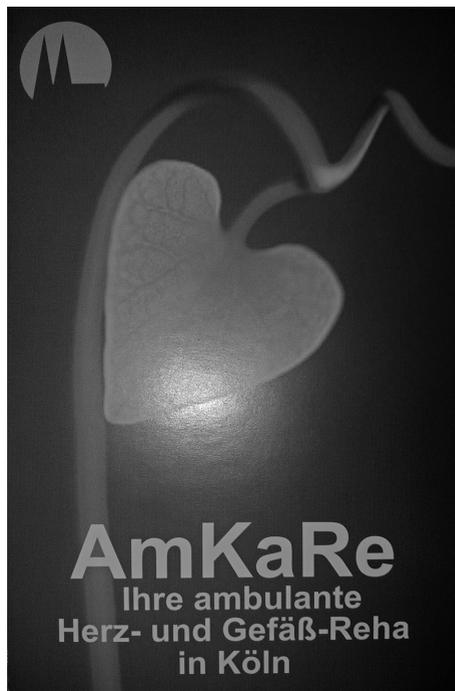
И тут завертось... Уже через два дня меня положили в ольницу ордена Августинцев, где в течение трёх дней безсалоотно проделали необходимые предоперационные обследования, о чём при наличии интереса можно прочесть в новелле «Две стороны одной

медали под названием «жизнь». Результаты проведенных процедур вселили уверенность врачам в благополучном исходе предстоящей операции. И меня с окончательно установленным диагнозом – тяжелый стеноз аортального клапана отправили в Кардиологический центр при клинике Кёльнского Университета, где в середине сентября успешно проделали мне транскатетерную имплантацию аортального клапана (TAVI). А по-простому – заменили родной неработоспособный клапан протезом.

Не успел ваш покорный слуга толком опомниться, как уже на четвертый день его выписали из больницы с пожеланиями дальнейшего приведения травмированного организма в норму уже в условиях реабилитационной клиники. Такую возможность обычно представляет больничная касса. И действительно три недели спустя

я получил письмо из своей больничной кассы с приглашением пройти трёхнедельную реабилитацию в амбулаторном режиме, начиная с 15 ноября, в кардиологическом реабилитационном центре со странным названием «AmKaRe».

Впрочем, оказалось всё достаточно просто. Эта на первый взгляд абра-кадабра представляла собой аббревиатуру, сложенную из первых двух букв названия этого центра. Амбулаторный Кардиологический Реабилитационный. Странным было лишь то, что эта аббревиатура одинаково читалась на немецком и русском языках.

В полученном от них письме с немецкой обстоятельностью подробно было описано, что нужно иметь с собой для посещения прописанных

реабилитационных процедур. Сюда вошли два вида спортивной одежды и обуви для занятий в зале и на улице, непромокаемая ветровка или зонтик на случай плохой погоды, сменная футболка и небольшое полотенце, а также персональный тонометр. Кроме того, в письме оговаривался режим и структура реабилитационных мероприятий (пять рабочих дней в неделю с 9:00 до 13:45) с гарантированным трансфером туда и обратно. Наличие подобного сервиса, признаюсь, произвело на меня неизгладимое впечатление. Это было как раз из разряда предложений, от которых невозможно отказаться. А потому я, не торопясь, набил сумку перечисленным барахлом и стал ожидать 15 ноября.

Накануне раздался телефонный звонок. В трубке прозвучал приятный женский голос. Дама, представившаяся водителем, сказала, что её 8-местный автобус подъедет прямо к дому завтра в 8:15. И действительно точно в указанное время перед домом остановился небольшой автобус марки VW, разукрашенный пёстрой рекламой, в

котором уже сидела немолодая турчанка вся в чёрном. Когда я вышел из дома, навстречу мне выскочила водитель, и стала посередине улицы в виде распятия, перекрыв движение транспорта, а затем любезно помогла мне занять место во втором ряду, и мы отправились в путь. Учитывая актуальные корона-вирусные регламенты, все трое были в масках, а рабочее пространство водителя было отделено от пассажирского салона плотной прозрачной плёнкой. Вскоре машина остановилась перед большим белоснежным павильоном, утопающим, невзирая на позднюю осень, в зелени, по-

крытой осенним золотом.

Нас встретили и провели в большую светлую комнату, напоминающую учебный класс, где за столами, установленными буквой «П», уже сидели притихшие

затем любезно помогла мне занять место во втором ряду, и мы отправились в путь. Учитывая актуальные корона-вирусные регламенты, все трое были в масках, а рабочее пространство водителя было отделено от пассажирского салона плотной прозрачной плёнкой. Вскоре машина остановилась перед большим белоснежным павильоном, утопающим, невзирая на позднюю осень, в зелени, по-

крытой осенним золотом. Нас встретили и провели в большую светлую комнату, напоминающую учебный класс, где за столами, установленными буквой «П», уже сидели притихшие

реабилитанты в ожидании чудесного выздоровления.

Группа состояла из 10 человек – двух женщин и восьмь-рых мужчин. Эта тендерная пропорция породила довольно спорную ассоциацию. Женщины живут дольше, а значит, болеют меньше, что и отразилось на половом составе группы. Что же касается возрастной характеристики реабилитирующихся, то – самому старшему оказалось 88 лет (я занял почётное второе место), а самому младшему, как это ни печально, всего лишь 22 года. Этот красивый жизнерадостный молодой человек перенёс операцию на открытом сердце по замене двух его основных клапанов. Услышав его историю болезни, мне, уже перевалившему за 80, как-то даже стыдно стало жаловаться на своё изношенное годами здоровье. Однако я отвлекся. Всё по порядку.

Первый день начался с взаимного знакомства. Поначалу нам представились наши кураторы: тренер и врач. Тренер, красивая молодая женщина, сверхзадачей которой является попытка за

отведенные три недели доступными физиотерапевтическими процедурами обеспечить нас здоровым телом на фоне пошатнувшийся ещё недавно здорового духа. Что же касается медицинского персонала, то они, используя последние достижения современной медицины, за это же время постараются излечить не только наши тела, но и откорректировать наши души. Итак, дамы назвали себя и предложили представиться нам. Теперь каждый из нас назвал свои имя и фамилию, возраст, причину участия в реабилитационных мероприятиях и конкретные жалобы.

Так я смог понять, что группа состоит в основном из перенесших различные виды хирургического вмешательства в дела сердечные. После церемонии знакомства нам поведали, что намеченные процедуры, сменяя друг друга, будут состоять из разнообразных видов гимнастических упражнений, занятий на велотренажёрах и беговых дорожках, прогулках на свежем воздухе и лекций, связанных с поддержанием здорового образа жизни. И всё это будет сопровождаться неусыпным контролем медицинского персонала.

Затем нас повели в эргометрический зал, где на всех нацепили портативные кардиографы, напоминающие укороченные чёрные пластмассовые футляры для очков, и рассадили на тренажёры. Мне в первый день достался велосипед. Должен признаться, за всю свою долгую жизнь я так и не освоил этот вид общественного транспорта. Единственная попытка в далёком прошлом усадить меня на велосипед обернулась потерями среди соседских кур (дело происходило в деревне). Вот и здесь я не смог выдержать больше 15 минут (правда, без жертв), в то время как остальные с лёгкостью (так, по крайней мере, мне показалось) продолжали крутить педали или топтаться на ускользящей беговой дорожке. Вот таким я оказался слабаком. Впрочем, я нашёл для себя оправдание, списав свою хилость на мою многолетнюю хроникку. Всякий раз после завершения процедуры каждый протирает салфеткой, смоченной в антисептике, детали тренажёра, которых могли касаться руки. Таково веяние времени. По окончании тренинга всем перемеряли давление. При моей обычной гипотонии я неожиданно выдал 155/95. Это не понравилось ни тренеру, ни мне. Дальше нас отправили на кофейную паузу. Нам к кофе (чаю) были предложены свежие булочки с ветчиной или сыром, овощные салаты (на выбор) и обезжиренный йогурт. Первый рабочий день завершился прогулкой по зелёной территории, в центре которой находилась посадочная площадка для вертолётной воздушной скорой помощи. Дорожка, по которой мы шли, была укрыта золотистым ковром опавших

листьев, уютно шуршащих под ногами. Нам предложили в определённом темпе сделать три круга, что заняло чуть больше получаса. И, как уже можно было догадаться, я опять выпал в осадок. К тому же дома меня ждала выволочка от Тани, которая весьма решительно втолковывала мне, что я не должен доводить себя до такого состояния (а состояние было налицо, точнее, на лице). Пришлось принести клятву. В дальнейшем, как я ни старался, мне так и не удалось выполнить это обещание.

Наши тренировки продуманно переплетались с оздоравливающим просветительством. Нас пытались вразумить в самых разнообразных направлениях. Это и рекомендации по здоровому питанию, и влияние факторов риска на качество жизни, и даже практические консультации по социальным вопросам. Забавная, на мой взгляд, деталь – беседы о пользе здорового питания сопровождалась дополнительным угощением. Каждый получал небольшую салатницу, наполненную безгрешными, с точки зрения здоровья, вкусняшками, что, по мнению экспертов, должно вырабатывать у нас, как у собачек Павлова условный (или безусловный) рефлекс на словосочетание «здоровое питание». Однако особое внимание, разумеется, уделялось сердечно-сосудистым заболеваниям и в частности их постоперационной реабилитации. С каждым днём моя осведомлённость в этих вопросах разбухала, как дрожжевое тесто. Среди факторов, обеспечивающих успешное выздоровление, важное место занимает психологическая устойчивость реабилитанта. Как тут не вспомнить город Васюки, где когда-то Ильф и Петров повесили лозунг «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих».

По прошествии нескольких дней я уже смог выделить из группы несколько персонажей, отличающихся хотя бы незначительными особенностями. Прямо напротив меня сидит крупнокалиберный мужчина, который, услышав во время общего знакомства мой корявый немецкий язык, в перерыве подошёл ко мне и рассказал, что большая часть жизни у него прошла на территории Восточной Германии, где в обязательном порядке в школах преподавался

русский язык. Надо сказать, что ему удалось сохранить в памяти довольно много ходовых русских слов и выражений. Когда же мне требовалась языковая помощь, он это делал охотно, правда исключительно по-немецки. Как говорят немцы: «langsam und deutlich». Медленно и внятно. При этом он выглядит смущённым, будто он виноват, что я, оболтус, так и не смог за 27 лет освоить немецкий язык.

Справа от меня расположился наш старейшина. Милый человек, но почти совершенно глухой. При этом он с невозмутимым видом и олимпийским спокойствием сидит на всех лекциях и консультациях, оживляясь лишь на тренингах, где можно обойтись при помощи мимики и жестов.

Особого внимания заслуживает неприметный пожилой человек, говорящий тихим убаюкивающим голосом. При этом всё произносимое им произносится без пауз, а потому прервать его речь не удаётся даже нашим докладчикам. По профессии он врач терапевт, и ещё продолжает работать. При последнем обходе старшему врачу удалось произнести лишь одну вводную фразу: «Как вы себя чувствуете?». Ответ длился полчаса. На остальных уже времени не осталось. Но меня, честно говоря, тревожит другое – его поразительное сходство с постаревшим Гиммлером. Эти эмоции в нас, детях войны, очевидно неискоренимы.

Обычно меня возвращают в районе двух часов. Но однажды случилось непредвиденное. Не успели мы отъехать от Реабилитационного центра, как на телефон нашей девицы-водителя поступил звонок. Ей сообщили, что один из автобусов, осуществляющий перевозку реабилитантов сломался, и нам нужно в порядке оказания гуманитарной помощи подобрать двух пассажиров, и развезти их по домам. На моё еврейское счастье они жили не в Кёльне (Тройндорф и Леверкузен), и наша куртуазная шофёрша (пардон) решила сперва избавиться от пришельцев. В результате я оказался дома почти через два часа. Должен сказать, что итак возвращаюсь домой, едва шевеля конечностями, а тут ещё во время пути у меня добавилась острая потребность в посещении мужской комнаты.

Положение спасло лишь кафе на окраине Леверкузена. Завершается вторая неделя моей реабилитации в амбулаторном режиме. Мне так и не удалось привыкнуть к нагрузкам, предусмотренным обязательной программой. По-прежнему очень устаю. Пришёл к неутешительному выводу – я действительно оказался слабее всех. К тому же разговор с доктором Майем не добавил оптимизма. Узнав, что в конце декабря мне будут делать так называемую абляцию сердца, он изобразил на лице такую мину, что слова не понадобились. Нужно добавить, что я и без того не очень хотел идти на эту процедуру. Доктор же, увидев мою растерянность, пояснил свою позицию тем, что, учитывая мой возраст и не слишком частые приступы мерцательной аритмии, факторы риска перевешивают степень необходимости проведения подобной операции. И теперь я, как Буриданов осёл, оказался перед непростым выбором. Но жизнь состоит не только из чёрных полос. В последний день второй недели нам торжественно объявили, что в связи с резко ухудшившейся пандемической ситуацией дальнейшие групповые реабилитационные мероприятия не возможны. А потому нам предлагается на базе увиденного и услышанного здесь продолжить процесс выздоровления в домашних условиях.

И всё-таки, невзирая на мучительную крепатуру, как постоянно действующий фактор, вынужден признать, что за эти две недели я окреп не только физически, но и духовно. Однако меня не покидает уверенность, что после подобной реабилитации требуется хотя бы лёгкая реанимация.

Ноябрь, 2021 год

Когда б не зной...

Я всегда с трудом переносил жару. Нет, конечно, ежели пляж и водичка плещется у ног, это ещё куда ни шло. Так в прошлом и бывало. К тому же «я тогда моложе, я лучше, кажется, была». А сейчас, в осеннюю пору жизни (обратите внимание – о зиме пока и речи нет), я предпочитаю дни весенне-осенние.

Однако, последние несколько лет я ощущаю всеми клетками своего тела, а также фибрами души, всю глубину выражения «глобальное потепление». Что называется – на собственной шкуре. Действительно, эти годы, в сравнении с предыдущими, отличались на редкость жаркими летними периодами. Уже много лет учёные мужи выдвигают различные версии, вплоть до конспирологических, пытаюсь объяснить причину надвигающегося глобального потепления земного климата. В ход идут заумные научные термины типа: антропогенный фактор, повышение уровня мирового океана или эмиссии парниковых газов, которые мне никогда ни о чём не говорили. Зато пот, обильно орошающий моё тело, и затруднённое дыхание были всегда достаточно убедительны. Невольно на память пришёл старый анекдот:

- Какое сейчас время года?
- Лето.
- Ну, какое же это лето? Снег лежит, дети на санках катаются.
- Вот такое нынче хреновое лето!

Хватало двух-трёх дней при температуре выше 30°, чтобы наш маленький шестиквартирный дом прогрелся, как забытый уют. Обычный настольный вентилятор положения не спасал, а развешенные по всей квартире мокрые махровые полотенца были, как мёртвому примочки. Комнатные градусники без всякого стеснения показывали 29°. Ночь превращалась в пытку.

Всё чаще главной темой внутрисемейных обсуждений становился вопрос о необходимости приобретения кондиционера. Но с этим тоже было не всё так просто. Во-первых, установка кондиционера могла быть осуществлена только при выполнении определённых капитальных

работ, требующих к тому же согласования с владельцем дома, а во-вторых, цены даже на самые дешёвые стационарные кондиционеры начинались от 600 евро. Пару лет назад в магазинах появились мобильные кондиционеры с выносной гигантской трубой из пластика, которую нужно было выводить в приоткрытую балконную дверь, что выглядело довольно дико и к тому же ненадёжно. Да и стояли они тоже недёшево. В общем, в результате затяжного семейного референдума было принято решение начать с малого – в прямом и переносном смысле. Под натиском неустойчивой безответственной рекламы мы приобрели в 2019 году настольный мини охладитель с увлажнителем воздуха «Arctic Air».

Этот кубик имел вполне деликатные размеры: 17x17x17 сантиметров. Его можно без труда (990 гр.) перетаскивать с места на место, но толку от него было крайне мало, хотя реклама гарантировала просто райское наслаждение, наподобие батончика «Bounty». Правда, его единственным достоинством оказалась цена – 30 евро.

Год спустя мы «расщедрились» и купили так называемый мобильный настольный охладитель воздуха «Air cooler» (120 евро),

который, как выяснилось позже, может справляться лишь с жарой, не превышающей 30 градусов.

Если вовремя пополнять водой его 8-литровый бак-испаритель, а ещё изредка подбрасывать в него кубики льда, тогда этому гаджету-охладителю удаётся понизить температуру в комнате на целых 2-3 градуса. Как говорится, с нехорошей (!) овцы, хоть шерсти клок. Теперь эта странная мебель (280x300x700) является сомни-

тельным украшением нашей квартиры.

Середина июля 2021 года в Кёльне выдалась невероятно жаркой. Справедливости ради следует заметить, что предшествующая весна была очень холодной. А, как известно, среднегодовую температуру пока ещё никто не отменял. Обычно лето приходит в Кёльн уже в начале мая, но в этом же году мы весь май промаялись (пардон), кутаясь в многослойные демисезонные одежды и обувки.

Не скажу, что июньская жара на нас обрушилась моментально. Температурные перепады напоминали скачки необузданных мустангов. Ещё вчера днём было комфортные 14 градусов, а сегодня, чтобы не показалось мало, уже 26, но не спешите за нас радоваться, на следующий день термометр показывал всё те же четырнадцать. Так про-

должалось целую неделю. Лето играло с нами, как кошка с мышкой. Но, в конце концов, желание нас согреть победило и тут началось. С каждым днём становилось всё жарче и жарче. Пребывание в доме превращалось в муки мученические, а улица (при обязательном ношении анти-вирусных масок) становилась душегубкой. Спасительная утренняя прохлада вообще исчезла, как категория. Как писал В. Высоцкий: «Но и утром всё не так, / Все не так, ребята!».

Спрятаться от изнуряющего пекла можно было, лишь погрузившись в воду. Много лет в жаркие летние дни мы отправлялись в Дюнвальд (от нашего дома автобусом езды ровно 20 минут), где в центре старого лесопарка хрустальным глазом в небо смотрело искусственное озеро Хёэнфельдерзее (в прошлом гравийного карьер).

Там, едва ли не в самом центре города, образовался прелестный природный оазис. И всё было бы хорошо, если бы не одно обстоятельство — дорога к этому живописному пруду пролегла по

гористой местности, которую с каждым годом нам становилось преодолевать всё трудней и трудней. А недавно до нас дошла информация о том, что вокруг озера переоборудовали дорогу и даже установили удобные скамейки. Но горные подступы изменить, к сожалению, не представлялось возможным. Поэтому мы решили, хоть и с пересадкой, ехать на аналогичное озеро Ратерзее, расположенное в Нойбрюке. Много лет здесь работала драга, добывая гравий для города. Эта территория является частной собственностью братьев Флориана и Томаса фон Штайн. Они совместно с городской администрацией уже который год

строят планы о создании в этом месте доступной для всех зоны отдыха. Но воз и ныне там. Не даром говорят, если хочешь рассмешить Б-га, расскажи ему о своих планах. А пока вся территория вокруг озера обнесена сетчатым забором, который регулярно прорывают желающие окунуться в его прозрачные воды. Как бы там ни было, но доступ был практически возможен в любое время по протоптанным решительным образом дорожкам и дырам в заборе. «К нему не зарастёт народная тропа». Так было всегда.

Мы быстро собрались, поглядывая с опаской на ползущую вверх температуру. Подхватили пляжные складные креслица и отправились в путь. Но не всё так просто в этом мире. Конечно, мы помнили, что подходы к озеру, протоптанные любителями отдыха на природе, напоминали тренировочную трассу для призывников первого года службы. Ухабы и бугры, заросшие крапивой и ежевикой. Среди этого природного безобразия вольготно расположился небольшой лагерь бомжей. Но нам ли бояться трудностей. И всё-таки наше продвижение, напоминающее марш-бросок по пересечённой местности с полной выкладкой, завершилось, не успев начаться. Однако то, что нас ожидало в дальнейшем.... Все ответвления народной тропы, ведущие к желанной водной глади, были перекрыты гигантскими завалами безжалостно спиленных стволов деревьев. Короче, доступа к озеру не было. Мы никак не могли взять в толк, с чем были связаны столь строгие меры. Пришлось возвращаться домой. Мы плелись к автобусной остановке уже под палящим полуденным солнцем. Пот лил градом, руки обрывались от кресел, внезапно потяжелевших за

время нашего длительного перехода. В качестве компенсации за постигшую неудачу мы, подойдя к автобусной остановке, увидели на электронном табло желанную информацию «Sofort», означавшую, что автобус будет подан немедленно. К счастью, трамвая тоже ждать не пришлось.

Дома, немного отдохнув и приняв душ, мы уже с улыбкой вспоминали наше приключение. Мы пришли к выводу, что несостоявшееся купание в озере мы возместили часовой прогулкой на свежем воздухе. Не давал покоя вопрос – что подтолкнуло городские власти наглухо перекрыть все подходы к озеру. Любопытство взяло верх, и, спустя короткое время, при помощи всезнающего Гугла, всё прояснилось. Оказалось, что на прошлой неделе произошёл несчастный случай. В этом озере утонул 13-летний мальчик.

Июль, 2021 год

Обздоровительный реабилитанс

Красивый Эмс с целебными водами
И зеленью обвитыми скалами,
Как свежим бархатным ковром,
И с тихой, извилистою Ланой,
Струящейся лениво под охраной
Гор, оцепившихся кругом.

П. А. Вяземский, 1875 год

Как-то уж слишком много негатива выпало на наши финишные годы. Почти два с половиной года с разной степенью интенсивности тянется пандемия коронавируса. За этой сухой формулировкой скрывается огромное множество людских трагедий во всём мире.

Так выглядели данные последствий пандемии коронавируса в разных странах на 24.05.2022

Страна	Всего заражений	Смертельные случаи	Выздоровевшие	Сейчас болеют
Всего	528546946	6302493	498954856	23289597
США	30808511	1029121	81701524	2383317
Индия	43140068	524490	42600737	14841
Бразилия	39623995	665727	29851917	286351
Франция	29391365	148005	28657773	585587
Германия	26151347	138860	24832300	1180187
Великобритания	22238715	177977	21850869	209869
Россия	18301393	378516	17700372	222505
Южная Корея	17993985	24006	N/A	N/A
Италия	17288287	166127	16310440	811720
Турция	15063203	98929	14961011	326

Учёные мужи в области медицины и сопутствующих ей отраслях знаний, а также всевозможные эксперты в самых разнообразных секторах науки, техники, политологии и

даже культуры на протяжении всего этого времени обрушивали на головы несведущего большинства многочисленные пугающие прогнозы.

От этой неподтверждённой разноголосицы становилось ещё страшнее. Объективные данные неумолимо демонстрировали рост смертности от коронавируса на всей планете. Причём наиболее развитые страны явно лидировали в этой страшной гонке.

Поэтому вполне ожидаемо, что именно в этих странах появились первые, как предполагалось, спасительные вакцины, число которых росло, как грибы после дождя, но, к сожалению, угнаться за непрерывно мутирующим вирусом долгое время никак не удавалось. Параллельно росла и смертность. Люди покорно проходили полный комплект вакцинации, но продолжали болеть. Так мы с женой, невзирая на трехкратное вакцинирование, дружно переболели ковидом в марте этого года. Это, признаюсь не было лёгкой прогулкой. Первая неделя протекала у обоих довольно тяжело. Танины дыхательные пути буквально разрывало чудовищным сухим кашлем, а я маялся с острой болью в горле на фоне повышенной температуры (38,5°). Слабость, потеря аппетита и ощутимое снижение возможностей вкусовых и обонятельных рецепторов — всё это длилось почти три недели. Хотелось бы верить, что такой благополучный исход был достигнут именно благодаря тем самым трём волшебным прививкам вакциной Пфайзер, поскольку наш возраст и накопленный за долгую жизнь анамнез давал коварной болезни широкие возможности для окончательного решения вопроса.

Теперь я вынужден коснуться самой тяжёлой и болезненной для нас темы, чтобы в дальнейшем постараться больше уже к ней не возвращаться. За всю свою довольно долгую жизнь мы ещё не испытывали столь яростных, с трудом сдерживаемых негативных эмоций. Мы засыпаем, когда удаётся, и просыпаемся с мыслями об Украине, безжалостно разрушаемой российскими оккупантами. Мы шлём наши самые страшные проклятия в адрес их параноидального лидера, но, к сожалению, безуспешно. Мил-

лионы людей всего земного шара, я уверен, тоже посылают свою негативную энергию в том же направлении. Но даже объединённые усилия почему-то до сих пор не складываются в неодолимую силу. Война длится и длится. Российские захватчики (не жутко ли звучит?), покорно исполняя братоубийственные приказы своего обезумевшего вождя, с необъяснимой жестокостью убивают тысячи ни в чём не повинных людей, разрушают мирные города и сёла независимой Украины. Ключевым как раз и является слово «независимой». Я сжато высказался и больше этой темы постараюсь не касаться.

Поэтому теперь совсем о другом. Не надо думать, что я забыл об основной теме повествования. Просто, чтобы взяться за неё основательно, мне потребовалась такая преамбула. Итак, на этом горьком фоне я умудрился трижды нарушить покой моей сердечной мышцы. Но что было, то было. Стентирование, замена аортального клапана и абляция. Слова-то какие! Однако, как говорится, всё хорошо, что хорошо кончается. Кардиологи успешно выполнили свою работу. Короче, накопилось столько, что пришлось незамедлительно заняться восстановлением общесемейного здоровья. В этом, как всегда, самую действенную помощь нам оказала наша любимая доктор Ольга Дуб, направив соответствующее заявление в больницу кассу. Ответ пришёл неожиданно быстро. Нам предложили провести со 2-го мая трёхнедельный курс оздоровительных мероприятий в стенах реабилитационной

Мальбергклиники в городе Бад Эмс. Причём из полученного от них письма стало ясно, что они ждут нас с большим нетерпением (понятно, что без нас им — ну, никак), а чтобы

мы не передумали, даже пообещали обеспечить транспортировку туда и оттуда. Всё-таки не ближний свет — 120 км.

Справка. Впервые, как населённый пункт это поселение было упомянуто в документах 880 года, а уже в 1324 году он получил статус города с названием Эмс. В начале XVIII века поселение стало приобретать черты европейского курортного города, расстраиваясь вокруг горячего минерального источника открытого ещё легионерами Рима. В середине XIX века Эмс приобретает особую популярность, благодаря не столько лечебным свойствам минеральной воды, сколько гостеприимством роскошного казино, в котором даже проигрыш не воспринимался трагически. От памятных табличек с именами выдающихся государственных деятелей, представителей литературы и музыки просто кругом идёт голова. Здесь можно встретить таблички с фамилиями классиков русской литературы: Гоголь, Жуковский, Вяземский, Тютчев, Достоевский и многих других. Уже в 1913 году город получил приставку Бад.

На средства русских курортников в 1870-ом году был возведен первый в Германии православный храм — церковь Святой Александры, на церемонии освящения которой присутствовали кайзер

Вильгельм I и император Александр II.

Сегодня Бад Эмс с населением в 9000 человек является одним из районных центров земли Райнланд Пфальц. Благодаря целебным минеральным источникам, мягкому климату и живительному воздуху Бад Эмс стал по-

пулярным бальнеологическим курортом еще в XVIII веке.

Теперь, пожалуй, можно вернуться к моему неспешному изложению. Второго мая в 10-30 утра за нами приехал минibus, водитель которого, сгибаясь под тяжестью, загрузил наши чемоданы в багажный отсек, а нас усадил на заднее сидение, отгороженное от водительского

прозрачным плексигласом, ещё и попросив надеть противоковидные маски. Ничего не поделаешь — таково веление времени. Время в пути, продлившееся около двух часов, прошло незаметно. До чего же хороши региональные дороги в Северной Рейн Вестфалии! Вдоль шоссе, переливаясь и сверкая под лучами полуденного солнца после небольшого ночного дождика стояли весенние деревья, отблескивая свежей изумрудной зеленью разных оттенков. Войдя в здание, мы были просто шокированы. По всему пространству перемещались люди с явными признаками телесных повреждений, кто на инвалидных колясках, а кто при помощи ходунков, костылей или палок. Эту безрадостную картину дополняло то, что все они (разумеется и мы в том числе) были в антиковидных масках, благодаря которым вся эта людская масса окончательно и бесповоротно теряла свою индивидуальность. Подобное

зрелище очень было похоже на госпиталь во время активных боевых действий. К тому же наш неповреждённый вид вызывал у нас же острое чувство неловкости. Теперь представьте себе, что вся эта механизированная масса участвует в постоянном движении, напоминающем броуновское, в попытке перемещаться по этажам при помощи единственного лифта. Причём на все процедуры нужно являться во-время, а лифт порой приходилось ждать по 10-15 минут. Нам повезло — нас разместили на первом этаже. Таким образом мы получили возможность в большинстве случаев обходиться без лифта, что явно способствовало нашей реабилитации. К концу третьей недели оба пролёта лестницы мы преодолевали уже относительно легко.

Однако вернёмся к началу. Регистрация заняла не более трёх минут. Нам вручили ключи от комнаты и отправили обедать. За нами закрепили столик под номером 21, что я — картёжник посчитал добрым предзнаменованием, посадили по диагонали, разделив опять же прозрачным плексигласом (опять же веление времени). Маски можно было снимать лишь в тот момент, когда ложка уже подплывала к открытому рту. Как вы уже наверно поняли, на территории всего больничного комплекса ношение защитных масок было обязательным. Спасение мы находили лишь в нашей комнате и на улице. И не удивительно, что, отработав все предписанные нам процедуры, мы каждую свободную минуту использовали для прогулок по курпарку и городу. Сразу после обеда нас отправили к палатному врачу. Им оказался (о, нечаянная радость!) — русский. Ну, русский не русский, точно не знаю, но по-русски он говорил свободно и без акцента. Доктор пригласил нас в кабинет и с места в карьер объявил:

— У меня сейчас очень мало времени. Поэтому Вас примет мой коллега — молодой врач из Сирии Али Махмуд. Он, правда, не говорит по-русски, но постарайтесь всё-таки понять друг друга.

При этих словах я припомнил, как ни странно, слова Дмитрия Медведева, сказанные им в 2016 году в Крыму

— «Денег нет, но вы держитесь». Увидев наши огорчённые лица, доктор добавил:

— Вы не расстраивайтесь. Я вернусь через две недели, и тогда мы обстоятельно поговорим. После чего я смогу написать своё заключение об успешности проведенного лечения. Так что нет повода для печали, и, честно говоря, я вообще не понимаю, зачем я вам нужен.

После столь неожиданной откровенности трудно было с доктором не согласиться, Все вопросы у нас мигом отпали, и мы покорно поплелись в соседний кабинет к уже поджидавшему нас Али Махмуду. Встреча напоминала разговор глухого с немым. В ход с обеих сторон шли всевозможные способы для понимания произнесенного. В итоге мы пришли к выводу, что ему нужно в срочном порядке изрядно подтянуть свой немецкий. И всё-таки, невзирая на эти лингвистические трудности, мы получили назначения, которые вселяли надежду на положительный результат предстоящей реабилитации. Обретя эту самую надежду, мы отправились знакомиться с городом. Вынужден сказать, что в этот маленький курортный город мы влюбились сразу и бесповоротно. Его центр с белоснежными зданиями, исполненными в лучших традициях классической архитектуры, расположен по обе стороны речки Лан (приток Рейна), протекающей вдоль живописного ущелья, образованного склонами Рейнских Сланцевых гор, утопающих в бархате нефритовой зелени. Мы шли по платановой аллее курортного парка, протянувшегося от здания Старой Ратуши вдоль берега Лана до великолепного комплекса в стиле нео-барокко под общим названием Курзал, вместившем в себя ещё и концертный Мраморный зал, и театр, и казино. Травяной ковёр паркового газона был усеян белоснежными маргаритками словно крупными снежинками. Клумбы парка поражали разнообразием палитры весенних цветов. Всё радовало глаз и грело душу. Над нашими головами ветви платанов, усыпанные гигантскими бородавками, образованными их постоянной обрезкой, корчили страшные морды.

Но это почему-то не пугало, а даже забавляло. Забегая вперёд скажу, что уже через две недели эти пугающие своим уродством ветви были сплошь покрыты пышной свежей весенней листвой.

Накопленная за первый день усталость заставила нас после ужина остаться в номере. Наша комната выходила окнами на хозяйственный двор, на крышах которого почему-то были кем-то установлены небольшие скульптуры. На одной — сидящий Будда, на другой — голова римского легионера, а на третьей — шахматные фигуры. Не иначе это было

попытка отвлечь пациентов от происходящего в самом дворе, где уже с шести утра начиналась бурная жизнь. К этому времени приходили уборщицы и работницы кухни, бурно обсуждая впечатления после проведенной ночи. Одновременно производились погрузо-разгрузочные работы, что сопровождалось невероятным грохотом тележек, напоминающим звук дождя бильярдных шаров, падающих на жестяную платформу. Впритык к нам находился аналогичный номер, в котором буквально с первого дня нашего здесь появления начался ремонт со всеми вытекающими в прямом и переносном смысле последствиями.

Однако, должен признаться — нам повезло. С ремонтом управились буквально за неделю, хотя запах преследовал нас до самого отъезда. Как говорится в известном анекдоте — «ложечки нашлись, но осадок остался».

Обстановка в номере соответствовала стандарту устройства рядовой больничной палаты. Две кровати, разделённые прикроватными тумбочками, два шкафа, два кресла, небольшой столик и настенный телевизор. И всё было бы вполне терпимо, если бы не лежбища. С виду как-будто всё нормально. Можно даже недолго полежать. Однако после проведенной ночи в голову почему-то приходили мысли о «прокрустовом ложе». Мы вставляли какие-то скукоженные и перекорёженные. Только после длительной разминки можно было без охов и стонов нормально функционировать. Порой в голову приходила грешная мысль — нет ли здесь хитроумного замысла, придуманного руководством клиники, и не является ли это своеобразной эксклюзивной физиотерапевтической процедурой, не требующей ни квалифицированного персонала, ни дополнительных финансовых вложений. Мы безуспешно пытались варьировать положениями этих функциональных кроватей, меняли подушки, но эти меры не приносили облегчения.

Пришло время вкратце коснуться и нашего режима. Мы просыпались в 7 утра. Ежедневно, когда выходил из ванной комнаты, я заставлял одну и ту же картину. Перед включённым телевизором, как изваяние, стоит в позе суриката моя Танюша с трагическим выражением на лице, впитывая, что удаётся понять из новостных немецких каналов, Она жадно впитывает информацию о войне в Украине и непременно готовится к самому худшему. Прервать это занятие мне удавалось лишь при помощи выключателя. Успокоившись, мы идём завтракать. Дверь в столовую утром открывается в 8-10, но уже задолго до открытия вестибюль клиники заполняется инвалидными средствами передвижения, чем-то напоминая картину паралимпийских будней. Завтрак и ужин организованы по принципу шведского стола с больничным ассортиментом.

Я думаю, что теперь на бутерброды мы долго не сможем смотреть.

Частое пребывание в столовой и привычка не затягивать с поглощением малоаппетитной пищи невольно приводили меня праздному созерцанию всего вокруг происходящего. А нужно сказать, что попадались весьма любопытные персонажи. Вот мимо нашего столика на огромной скорости промчался грузный мужчина, ловко прокладывая себе дорогу ролатором (ходунком). Признаюсь, я позавидовал его скоростным возможностям. Прямо напротив нашего столика на протяжении трёх недель сидела старушка, не сводящая с меня слегка вылинявшего, но ещё колючего взгляда. Не знаю, почему она выбрала меня объектом своего пристального наблюдения. Я, конечно, хорош собой, но не до такой же степени. Рядом с нами за соседним столиком сидят две непрерывно и очень громко смеющиеся дамы, привлекая, возможно, таким нехитрым способом к себе внимание мужчин. Но их же здесь нет. Одни руины мужского пола. Жалкие остатки прежней роскоши. Однако эти дамы чувствуют себя ещё пригодными к употреблению. Ещё одна забавная личность важно восседает за столиком через проход от нас. Он непрерывно без устали что-то излагает своим скрипучим голосом, так или иначе заставляя всех своих соседей прислушиваться. Диву даёшься, когда он успевает кушать. Но похоже, я уже утомил своей избыточной наблюдательностью, а потому возвращаюсь к прерванному описанию нашего распорядка дня.

После завтрака стартует рабочий день. Обычно мы успеваем пройти 3-4 процедуры (о них несколько позже) до обеда, который начинается в 12-40, и 1-2 процедуры после обеда. Обеденное меню на радость нам толстым состоит из одного блюда. Иногда это было весьма вкусно. Но чаще, чтобы нам было ещё вкуснее, еду заливали кислоющим соусом, который доводил мою кислотность до крайнего возбуждения, вызывая мучительно длительную изжогу, воздушную отрыжку и метеоризм. Весь взятый из дома активированный уголь я съел уже в первую неделю.

Учитывая большой перерыв между обедом и ужином, мы около четырёх часов пополудни делали кофейную паузу. Благо кофе в автомате, стоящем в вестибюле клиники, оказался вполне приличным. Пришлось докупать. Время же до ужина (18-40) и после него полностью в нашем распоряжении. Сразу после ужина мы уходим в дальний закуток вестибюля клиники, где Таня в обязательном порядке связывается с Киевом, чтобы получить самую свежую информацию с фронта военных действий. К сожалению, далеко не всегда эта информация оказывается достоверной. Ввиду принудительно раннего подъёма мы установили для себя время отхода ко сну не позднее 22-00, что вполне соответствовало больничному режиму.

А теперь о самом главном. Назначенные нам процедуры можно легко разделить по степени нашего в них участия на две неравные группы. Большую группу составили мероприятия, которые проходили под присмотром физиотерапевтического персонала или при их непосредственном участии. Но были и такие процедуры, которые мы должны были выполнять самостоятельно. К этой категории относились упражнения на тренажёрах и лекции по актуальным для реабилитирующегося контингента медицинским проблемам, которые можно было слушать на телевизионном канале клиники прямо у себя в комнате. Вынужден признаться, что работа на тренажёрах оказалась нам не под силу. Что же касается лекций, которые проводились по телевизору, то на них нашего немецкого, увы, было не достаточно, и мы их с удовольствием заменяли дополнительными прогулками. Благо погода нас буквально баловала.

Во время одной из них мы обратили внимание на большое здание, построенное как дворцовая резиденция ещё в конце XVII века в стиле классического барокко. Его венчают четыре изящные башни, давшие название этому дому — «Дом четырёх башен».

Здесь 30 мая 1876 года Александр II подписал Императорский указ, получивший в последствии название «Эмский указ», предписывающий запрет на печатную продукцию и

спектакли на украинском языке (Путину было, с кого брать пример), о чём свидетельствует мемориальная доска, установленная Украинской общиной в 1976 году в знак жизнеспособности своей культуры в связи с открытием в Бад Эмсе

Всемирного конгресса свободных украинцев.

Процедуры в первой половине дня обычно назначались одна за другой почти вплотную. Это для меня в частности осложнялось их разбросанностью по разным флигелям и этажам. Здесь мой топографический кретинизм расцветал буйным цветом. Я бегал (?) по этажам с выпученными

глазами в поисках нужного помещения. Лишь на третью неделю мне удалось в этом большом здании окончательно сориентироваться. Признаюсь честно, мне в этом часто помогала Таня. В последнее время особенно, она мне очень облегчает жизнь, пытаюсь компенсировать мою нарастающую беспомощность. Таня — мой безошибочный навигатор, мой универсальный домашний врач, мой фармацевт и в какой-то мере даже соавтор. Мне всё труднее обходиться без Тани. Она это чувствует и безропотно подставляет в разных ситуациях свои артрозные плечи. Я это ценю и пытаюсь, как можно реже обращаться за помощью. Но её орлиный взор всегда на страже. Вообще, не

побоюсь этого слова, Танюша — это моё всё. К сожалению я стал часто ловить на себе её настороженный взгляд. Потому что, в силу своего пессимистического характера, она всё время ждёт от меня неприятностей. Я, как говорится, делаю хорошую мину при плохой игре, но даже это мне не всегда удаётся. Но я твёрдо помню, что когда-то дал Тани обещания не — уйти первым. Так что буду стараться ещё старательнее.

Однако пора вновь вернуться к моему нестройному повествованию. Это минорное лирическое отступление прервало описание назначенных нам процедур первой группы. Коротко опишу занятия направленные на снятие напряжения с позвоночника. Нас в группе всего шесть человек. Судя по всему, я самый старший. Так что интенсивность процедуры меняется с оглядкой на меня. Мне забавно наблюдать, как инструктор всё время с тревогой поглядывает на меня, дескать, жив ли ещё. Все упражнения выполняются сидя на стуле. Если что не далеко падать. Я стараюсь, как могу. Остальные участники, как могут, отлынивают. Да и сам тренер с удовольствием отвлекается на любые актуальные темы. Создаётся впечатление, что у физиотерапевтов есть вторая специальность — мастера разговорного жанра. Наиболее популярны темы: коронавирус, цены и чужая зарплата. Тут все с радостью забывают о своих позвоночниках, включаясь в нескончаемую дискуссию. При деле остаюсь только я, и не благодаря своей избыточной прилежности, а просто, как я уже говорил, из-за языковой недостаточности. И всё же даже после такого ничтожного тренинга у меня возникала крепатура. А значит, это всё не зря.

Была ещё одна процедура с аналогичным названием, но уже не в группе, а лишь со мной одним. Молодой человек (физиотерапевт) приятной южной наружности предложил мне обнажить торс и лечь на лежанку. И тут началось. Поначалу он делал нечто напоминающее массаж. Но вскоре стал меня очень больно щипать в районе подмышек. У меня было ощущение, что он хочет оторвать себе на память кусочек моего лягуся (мышца). Мои стоны

разносились по всему этажу, массажист, а лучше сказать «массади́ст», только побряхтывал, предпочитая утешать меня байками из своей недолгой жизни. Так я выяснил, что в нём играет итальянско-польская кровь. Наличие в этой смеси польского ингредиента породило в нём уверенность, что мы достигнем полного языкового взаимопонимания. В итоге мы пустили в ход все имеющиеся у нас в наличии лингвистические осколки и всё-таки пришли к консенсусу. Он заверил меня в том, что эти его издевательства надо мной никак не связаны с предполагаемыми мной его садистскими наклонностями, а направлены на расслабление моего скованного мышечного каркаса. Преисполненный пессимизма я всё-таки вынужден был ему поверить. Затем он неожиданно спросил, знаю ли я, что означает слово «курва». Я радостно заверил его, что конечно знаю. И объяснил, что по-русски это значит «блядь». И он, не скрывая восторга, трижды со вкусом его повторил. Нашу светскую беседу я периодически прерывал душераздирающими стонами, но в конце концов не выдержал и решительно произнёс сквозь зубы: «Спасибо, хватит». Настаивать не пришлось. Чтобы уже закончить с разного рода рукоприкладством скажу, что раз в неделю мы получали тривиальный массаж. Массажист был из категории гладиаторов. Гладил он старательно. И это было приятно.

Появилась потребность прервать медицинскую тему и припомнить то, как мы проводили свой досуг. Оказалось, что в Бад Эмсе есть фуникулёр, хорошо знакомое нам по Киеву средство передвижения. Здесь название этого вида транспорта звучит, как бранное слово — «курвальдбан». Немцы умудряются иногда втискивать в одно слово сразу несколько смыслов. Тут и курорт, и лес, и поезд. А вместе — фуникулёр. Всё происходит автоматически по заложенной программе — от приобретения билета и прохода через турникет до управления движением. Два вагончика: один подымает людей вверх, другой спускает вниз. Яркое электронное табло извещает потенциальных пассажиров об оставшемся до отправления времени. Эта ка-

натная железная дорога длиной 431 метр ведёт на вершину горы Мальберг, где по хозяйски расположилось весьма комфортабельное кафе, с террасы которого открывается завораживающий вид на городок, уютно расположившийся между ладонями Сланцевых гор.

Мы наслаждались не только красотой открывшейся панорамы, но и вкусным яблочным струделем, запивая его ароматным кофе.

По вторникам (всего раз в неделю?) в открытом павильоне парка проходили полуторачасовые джазовые концерты. К сожалению время их проведения чаще всего совпадало у нас с какой-нибудь лечебной процедурой. Лишь один раз Таня смогла попасть к началу. У меня же в это время была гимнастика в бассейне, поэтому явился туда только к финалу. Я застал Танюшу с блаженной улыбкой на лице и бокалом мохито в руке. А на сцене трое пожилых джазменов самозабвенно лабали знаменитый «Поезд на Чаттанугу» Гленна Миллера из кинофильма «Серенада солнечной долины». Вспомнили Оскарика Черкасского. Он любил джаз вообще и эту композицию в частности.

Однажды случился конфуз. Мы увидели в городе афишу, извещавшую о предстоящем концерте классической

музыки, который должен был состояться вечером в прайм-тайм в Мраморном зале. Ничтоже сумняшеся мы туда и отправились. Уже на подступах нам стало очевидно, что не по Сеньке шапка. К зданию стягивалась степенношествующая местная аристократия. Мужчины плыли в смокингах при ярких галстуках, бабочках или тонких шёлковых шейных платках, драпирующих их сморщенные шеи, а дамы — в шикарных вечерних туалетах, озаряя прохожих блеском своих бриллиантов. Отовсюду доносились ароматы дорогих духов. Стало понятно, что мы лишние на этом празднике жизни. И всё же мы решили попробовать. Но оказалось, что билеты на подобные концерты нужно заказывать заранее, а входные стоили «всего лишь» по 35 евро. Попытка воспользоваться нашими куркартами была безуспешной. И мы, окончательно ощутив, что нам здесь не рады, решили от этой идеи отказаться. А взамен пошли разгуливать по парку вдоль сверкающего серебром Лана. Лишь когда спустились сумерки, мы отправились в свои пенаты. Учитывая отсутствие русского телевидения и компьютера, мы без труда втянулись в режим с ранним отходом ко сну.

Полуночи после завтрака нас ждали водные процедуры. Вначале мы с блаженством окунули свои натруженные бездельем тела в воды 10-метрового бассейна, где под руководством сбивающегося на лёгкую трепотню физиотерапевта делали необременительную гимнастику. Затем, после непродолжительной паузы мы отправились на предписанные контрастные ванны для ног и рук. Окуная попеременно дважды по 5 минут в тёплой воде и по 20 секунд в холодной, мы осуществляли тренировку сосудистой системы наших одряхлевших конечностей. Эта было приятно и необременительно. Но из всех прописанных нам физиотерапевтических процедур больше всего мне пришлось по душе песчаная кровать. В ней вместо обычного матраса установлена неглубокая купель с очень тёплым песком. Лежишь, как оладья на сковородке. Истинное наслаждение!

Правда с одной из лечебных церемоний мне так и не

удалось познакомиться. А дело было так. В моём лечебном плане появилось новое предписание — разработка больного левого колена на специальной машине. Это меня очень обрадовало, потому что последнее время я всё больше и больше испытывал его неполноценность. Однако ситуация оказалось не такой уж простой. Для того, чтобы начать тренировки нужно было получить у врача программную карточку, приводящую в движение соответствующее устройство. Дежурный врач, к которому я обратился по поводу этой карточки, очень удивился, сказав, что впервые об этом слышит, отправил меня к старшей сестре. Старшая сестра, неловко пытаясь скрыть своё недоумение, предложила мне попробовать пойти в указанный кабинет к назначенному времени, чтобы поговорить напрямую с физиотерапевтом. Так я и сделал. Там уже сидели трое мужчин, нервно постукивая костылями. Запыхавшаяся инструкторша примчалась с небольшим опозданием и, оглядев нас недоброжелательно профессиональным взглядом, почему-то сразу направилась ко мне. — А у Вас что? — сдержанно поинтересовалась она.

— Да вот с левым коленом плохо, — промямлил я.

— А с правым хорошо? — уже не скрывая иронии, продолжила она свой допрос.

— С правым куда как лучше, — с надеждой бодро отчеканил я.

— А ну согните свою левую ногу!

Я послушно выполнил команду, что привело её в крайне весёлое расположение духа. Приговор прозвучал решительно и весьма жизнеутверждающе.

— Вам эти упражнения не нужны, — произнесла она с интонацией отставного фельдфебеля.

— Это же доктор прописал, — продолжал я канючить.

Но это не помогло, а в завершении нашего диалога прозвучало: «Приходите после операции, вот тогда мы Вам поможем». Но с этим я решил пока не торопиться. В конце концов я проникся её логикой. Большинство пациентов клиники перенесли то или иное хирургическое вмешательство. Поэтому у персонала клиники ясная сверхзадача

— в кратчайшие сроки поставить их в прямом и переносном смысле на ноги, для чего существуют чёткие программы восстановления. Шаг вправо, шаг влево (тем более на костылях) — не приветствуется. А мы, самоходящие, для них не представляем никакого интереса. К тому же и жалобы у нас какие-то нестандартные.

Хочу снова переключиться. В очередной временной просвет мы решили посетить соседний городок Насау. На перроне мы познакомились с беженками из Запорожья. Мама с дочкой. Маме 48 лет, но выглядит она как старшая сестра. В Бад Эмсе, куда их распределили, они уже полтора месяца. Ни работы, ни нормального жилья. Однако всё же лучше того ужаса, с которым они успели столкнуться у себя в Запорожье. Взрывы фугасов, разрушенные дома, пожары и гибель ни в чём не повинных людей — всё это для них уже позади. А что делать с мыслями об оставшихся...

До Насау оказалось всего 10 минут езды. Городок не представлял собой никакого интереса, хотя он родом из средневековья. И всё-таки его посещением мы остались довольны. Мы там натолкнулись на очень милый итальянский кафетерий, где нам подали превосходный кофе с очень вкусным мороженым. А вечером нас ожидал финал конкурса «Евровидение». Уже много лет я ни разу не пропускал финальные концерты этого песенного состязания. Но на сей раз он проходил во время братоубийственной войны, что безусловно наложило на всё сюрреалистический отпечаток. И всё же это музыкальное торжество прошло, на мой взгляд, весьма успешно. После голосования музыкальных экспертов из 40 стран Европы группа из Украины «Каллуш оркестр» занимала четвёртое место после Англии, Португалии и Швеции. Но, когда к мнению специалистов добавились результаты зрительского голосования, украинская группа со своей песней «Стефания» оказалась победительницей, оторвавшись от второго места (англичан) на 300 пунктов. Результат невероятный, хотя во многом предсказуемый. Понятно, что многим хотелось поддержать Украину, отдав свои пункты за груп-

пу из Западной Украины. И всё же справедливости ради хочу сказать, что за последние 20-30 лет конкурс «Евровидение» существенно политизировался, где принцип «ты — мне, я — тебе» стал играть не последнюю роль.

Однако я увлёкся, что впрочем не удивительно. Просто многое причудливо сплелось в этом на первый взгляд малозначительном событии. Здесь и моя нерастратенная любовь к музыке, и обрушившееся на меня избыточное свободное время, но, самое главное, рвущие сердце думы о судьбе многострадальной Украины. Возможно, кто-то и захочет меня упрекнуть, дескать: «Ты же бросил свою Украину и даже гражданство сменил, а теперь проливаешь крокодиловы слёзы». Безропотно принимаю этот упрёк, но скажу моим критикам честно и откровенно. Да, мы уехали в Германию просто за лучшей жизнью, хотя ох, как это было не просто. Мы уехали, отдав тогда ещё советской Украине свои лучшие годы (свыше 35 лет каждый), добросовестно трудясь на благо страны. Мы уехали в полной уверенности, что молодое государство Украина, преодолев тяжелейший ранний период своего развития, станет в конце концов твёрдо на ноги. К сожалению, мы можем до этого уже не дожить. Да, мы уехали, чтобы остаток дней наших попытаться прожить в лучших условиях. И мы не ошиблись. Здесь, благодаря социальной политике Германии, мы получили возможность вполне прилично жить, познакомиться со многими достопримечательностями Европы и, в связи с объективно сложившейся профессиональной невостребованностью, с удовольствием заниматься каждый своим любимым делом. Прошу прощения у взыскательного читателя за излишние сентиментальность и пафос, зато всё искренно и честно.

Неожиданно, даже для самого себя, я почувствовал, что пора закругляться. Хотя не обо всём, о чём изначально хотелось бы, я успел поведать. Это почти в равной степени касается и выполняемых нами оздоровительных мероприятий, и различных форм использования свободного времени. Но «Рука бойцов колоть устала». Поэтому перехожу к итоговому выводу. Побольше бы таких реабилитаций!

Мы заметно окрепли, у нас явно прибавилось жизненного оптимизма. Прибавилось настолько, что хочется жить дальше. И мы будем жить дальше!

Июнь, 2022 год

*Мечты о жизни
на «колёсах»*

Он проснулся от ощущения ноющей боли во всём теле. Попытка пошевелиться, сменив позу, только добавила убеждённости в том, что это ему не приснилось. Лежащая рядом с ним жена недовольно заворочалась. Он немного отодвинулся и стал размышлять, пытаясь обнаружить причину возникшей боли. Подобные ощущения, пусть и не такие сильные, он стал испытывать ещё с прошлого года. Вереница врачебных посещений не внесла никакой ясности. Справедливости ради нужно сказать, что никто толком не мог объяснить, что, где и при каких обстоятельствах у него болит. На стандартные вопросы врачей ему проще было отвечать, что болит буквально каждая клеточка тела. Возможно, этой кокетливой метафорой, он пытался скрыть нешуточные страдания, которые вот уже почти год отравляли ему жизнь.

Надо сказать, что он болеет давно и довольно разнообразно. За 66 прожитых лет в его анамнезе расцвёл пышный букет экстравагантных заболеваний. К счастью, организм с большим или меньшим успехом, но всё-таки с ними справлялся. А тут – на тебе! Иногда нельзя было шевельнуть ни рукой, ни ногой. С горькой усмешкой он припомнил строчки из старой народной песни «Комара муха любила»: «Он лежит и еле дышит — ох, ох! Ручкой-ножкой не колышет — сдох!». А вот этого уж совсем не нужно, - подумалось ему. Будем бороться. Но всё же порой без боли он не мог даже глаза открыть. В эти моменты он, как гоголевский Вий, готов был униженно просить, чтобы ему помогли открыть веки. И вот с такими литературными жалобами он в очередной раз пришёл на приём к своему домашнему врачу. Они с женой уже более 10 лет пользовались услугами фрау Виг (1949–2022), которая была популярна среди нашей волны эмиграции не только благодаря своим профессиональным качествам, но и за относительно приличное владение русским языком.

Сюзанна Виг родилась в Чехословакии, получила высшее медицинское образование в Венгрии, а по окончании учёбы в конце семидесятых перебралась в Германию. Эта маленькая обаятельная женщина всегда встречала

своих пациентов застенчиво-очаровательной улыбкой и доброжелательным вопросом: «Что я могу для вас?». Мгновенно появлялось ощущение, что тебя тут не только ждали, но внимательно выслушают и обязательно помогут. В её прихожей всегда толпился народ. Она принимала больных без обязатель-

ной предварительной записи, придерживаясь принципа: «Кто раньше встал, того и тапки». Благодаря своему огромному опыту, доктор Виг, «не растекаясь мыслью по древу», быстро анализировала жалобы больного и, сделав необходимые прописи, отправляла пациента восвояси с верой в скорейшее выздоровление.

За все годы, в которых Аркадий и Ксения находились под патронажем фрау Виг, она не допустила ни одной даже малейшей врачебной ошибки. Когда же симптомы переступали границы её компетенции, она с лёгкостью, без свойственной многим амбиции, направляла своих пациентов к другим врачам по соответствующим специальностям.

Это как раз и была такая ситуация. Терпеливо выслушав невнятные жалобы, доктор провела его по стандартной цепочке лабораторных обследований, и в результате предположила, что он (вот счастливчик!) заполучил на редкость неприятное аутоиммунное заболевание –

фибромиалгию, проявляющееся в мышечно-скелетной боли, носящей хронический характер и безжалостно снижающей качество любой, даже самой успешной, жизни. Доктор рассказала, что её младшая сестра Элизабет, уже давно страдает от этой болезни. Но, к сожалению, официальная медицина не знает эффективных средств борьбы с ней. Никто толком не ведаёт, откуда она берётся и как с ней бороться. Больных с подобными симптомами наблюдают терапевты, ревматологи, ортопеды, психоневрологи и специалисты, использующие нетрадиционные методы медицины. Каждый старается по мере сил и возможностей помочь, но, увы... Правда, может быть, без этой помощи было бы ещё хуже. Помогали только сильные болеутоляющие средства. Но, как известно, они одно лечат, а другое калечат.

И начались для для нашего героя хождения по мукам. От терапевта к неврологу, от невролога к ортопеду, от ортопеда к ревматологу и снова по той же дорожке с теми же остановками только в обратном порядке, а то и без всякого порядка. Мелькали различные диагнозы, испытывались всевозможные лекарства, но боли не стихали. Поначалу над всем нависало таинственное слово фибромиалгия. Клиническая картина позволяла без излишних сомнений скрыться за этим диагнозом, свалив в одну кучу физиологию и психосоматику. В попытке помочь ему врачи прописывали всевозможные обезболивающие препараты, большей или меньшей интенсивности, транквилизаторы и различные виды физиотерапии. Это отвлекало, давало временное облегчение, но не избавляло от самой болезни.

Однако – всё по порядку. По совету сведущих людей, а их, как можно было предположить, хватало, он обратился за помощью к ортопедии. Людская молва привела его к доктору Ильевой. Невзирая на свой молодой возраст, она слыла опытным думающим специалистом в области консервативной ортопедии и реабилитации. Выслушав с присущим ей вниманием жалобы нового пациента, доктор провела тщательный осмотр, легко нащупав основные болевые точки. Затем она в доходчивой форме рассказала

что именно удалось обнаружить, предложив наиболее эффективный, на её взгляд, план лечения.

Важное место в предложенной схеме занимала так называемая мезотерапия. Суть этого лечения состоит в обкалывании поверхности спины на небольшую глубину при помощи пистолета-инжектора специально подобранными препаратами (в данном случае – пироксикам и кальцитонин). В дополнение к мезотерапии больному были назначены такие физиотерапевтические процедуры, как фанго, массаж и гимнастика в бассейне с минеральными водами. Попутно

доктор Ильева нашла у него ещё и продольно-поперечное плоскостопие, что несомненно приводило к дополнительным болевым ощущениям в нижних конечностях. По её рецептам были изготовлены специальные ортопедические стельки, которые существенно улучшили его ходибельность. Но, несмотря на столь многогранный комплекс проведенных мероприятий, болевой синдром превратился в хроника, практически оставаясь постоянным спутником его жизни.

Постепенно супруги стали терять веру в возможности традиционной медицины справиться с этим заболеванием. Они предприняли ряд энергичных шагов по поиску альтернативы. В результате он оказался в руках доктора Фолкера Майснера, служившего в недавнем прошлом врачом в одном из подразделений бундесвера. В небольшом кабинете, уставленном множеством загадочного вида приборов, его встретил мужчина средних лет крепкого

телосложения, излучающий своим поведением и бархатным тембром голоса положительную энергию. Доктор Майснер, выйдя на пенсию, занялся энергомедициной – новым направлением среди нетрадиционных методов лечения. Эта, так называемая холистическая медицина занимается не столько конкретной болезнью, сколько она сосредотачивается на лечении человека в целом, добиваясь нужного результата за счёт общей чистки организма и стимулирования его основных функций. На нашего страдальца сильное впечатление произвело сделанное доктором Майснером первичное компьютерное обследование. Доктору удалось не только установить проблемные области организма, но даже назвать некоторые события жизни больного, которые, по мнению Майснера, могли повлиять на его нынешнее состояние. В итоге доктор клятвенно заверил, что улучшение самочувствия после завершения курса лечения не заставит себя ждать.

Раз в месяц наш герой приезжал к доктору Майснеру в Кё-

нингсвинтер (небольшой курортный городок в 40 км от Кёльна), где, увешанный специальными датчиками, подвергался процедуре компьютерной магии, за которой следовал сеанс иглотерапии. По окончании каж-

дого визита доктор вручал порцию (на месяц) энергетических пилюль, выписанных заранее из Голландии, получая взамен конверт с соответствующим вознаграждением. Нужно признаться, что даже первичный курс, рассчитанный на полгода, стоил немалых денег, но ощутимого эффекта так и не принёс. Поэтому этот первичный

курс оказался одновременно и завершающим.

Боли не стихали, продолжая с большим или меньшим успехом портить ему жизнь. Разумеется, жена не могла оставаться в стороне. Она, как могла, пыталась облегчить его мучения, но недуг всегда оказывался сильнее. Не могло пройти мимо внимательного супружеского взгляда то обстоятельство на то, что обострение наступало при холодной дождливой погоде. Решили обратиться к ревматологам. Опять же людская молва (куда без неё) привела к доктору Тиму Шмайсеру. После непродолжительного допроса (а это выглядело именно так) доктор попросил больного поднять руки вверх (дескать «Hände hoch») и произнёс индифферентным голосом: «У Вас ничего относящегося к моей компетенции нет». При этом из его уст не акцентировано слетело слово «полимиозит». И было не понятно, для кого он произнёс это слово, то ли пытался уговорить себя, то ли давал пациенту подсказку для будущих шагов. Самое любопытное выяснилось позднее. Оказалось, что полимиозит – системное аутоиммунное заболевание

мышечной ткани лечат именно врачи-ревматологи. Поэтому поиски более «сговорчивого» ревматолога продолжились.

Однажды жена нашего персонажа пришла домой с важной новостью. Ей сказали, что в Университетской клинике Кёльна начал работать врач-ревматолог, приехавший из Санкт-Петербурга, профессор, доктор медицинских наук Ефим Бененсон.

Записался к нему на приём на удивление удалось без каких-либо

проволочек. Просто повезло. Тут бы и пропеть аллилуйю. Но оказалось, что радоваться было ещё рановато.

Профессор без видимого интереса выслушал пациента, посмотрел принесенные результаты анализов, покрутил в своих руках его кисти рук, попросил поднять вверх руки (уже знакомый тест) и сказал, что не видит никаких явных признаков ревматического заболевания, предположив при этом, ещё понаблюдать, поскольку нельзя исключать незначительного нарушения иммунной системы организма. С этим размытым заключением нашему бедолаге вновь пришлось обращаться к домашнему врачу. Доктор Виг приняла, как всегда, с едва заметной улыбкой и сочувствующей миной на лице. А он в стихах и красках поведал о своих безуспешных похождениях в попытке справиться с неугомонным недугом. На это Виг, как бы размышляя сама с собой, произнесла: «Поскольку формально фибромиалгия, а в этом никаких сомнений нет, относится и к компетенции неврологов, Вам нужно теперь обратиться к ним». Сказано — сделано. Пришлось отправляться к неврологу, прочтя предварительно в Википедии, что неврологи диагностируют и лечат болезни, как центральной, так и периферической нервной системы. Памятуя крылатую фразу – «Все болезни от нервов», наш страдалец с надеждой явился на приём к неврологу, тем более, что он уже обращался, правда с другими проблемами, к психоневрологу доктору Виктории Випринской, с которой к этому времени у него сложились едва ли не дружеские отношения. Кроме чисто интуитивной симпатии он видел в ней умного и грамотного врача с широким кругозором, характерным для советского медицинского образования.

Доктор Випринская занялась им по полной программе. Она провела ряд необходимых обследований, по результатам которых высказала предположение, что его проблемы связаны с аутоиммунным заболеванием, при котором иммунная система путает нормальную здоровую клетку с клеткой, несущей угрозу здоровью, причиняя без видимой причины вред всему организму.

Благодаря её склонности к анализу, настойчивости и

ему специальный анализ крови, который дал неожиданный результат. Показатель ревмофактора превысил допустимое значение более чем в 20 раз. С этого момента ревматологи, два года отказывающие ему во взаимности, признали, наконец, в нём своего пациента, путаясь, правда, в названиях заболевания, как в трёх соснах. Называя то фибромиалгией, то ревматоидным артритом, то ревматоидным полимиозитом. А это значит – нужно вновь обращаться к ревматологам. Испытуемый, понунив голову, поплёлся к очередному специалисту в области ревматологии.

Доктор с должным вниманием ознакомилась со всеми принесенными результатами последних обследований, задала немало вопросов, что с учётом участия в разговоре переводчицы заняло довольно много времени. В результате она сказала, что проблемы пациента лежат вне её компетенции (такой вывод звучит уже не в первый раз), что даже такие устрашающие цифры ревмофактора встречаются у пожилых людей, потому, дескать, они не должны пугать. Причину же незатухающих болей нужно искать в кабинете ортопеда. Снова-здорово! В итоге у нашего героя создалось впечатление, что им просто не захотели заниматься. В последние годы стала доминировать новая бесчеловечная концепция немецкой медицины – жизнь стариков пускать на самотёк. Своеобразный вид

чиновничьей эвтаназии.

Однако, как бы там ни было, нужно было продолжать бороться с недугом и жить дальше. Он предпринял попытку снова вернуться к профессору Бененсону (всё-таки из наших), хотя два года назад и Бененсон не увидел в нём своего пациента.

Профессор Бененсон встретил его не слишком приветливо. «Чего это вы снова ко мне?» – раздражённо спросил он. Тот стал канючить, объясняя, что после последней встречи ему не только не стало лучше, но ситуация, пожалуй, даже ухудшилась. Не говоря уже о диком ревмофакторе, обнаруженном по результатам последних анализов крови. После непродолжительных расспросов, ощупываний и размышлений профессор мрачно произнёс: «Значит так, я проведу вам дополнительно ещё некоторые специфические обследования, которые окончательно покажут, имеют ли ваши страдания хоть какое-то отношение к области ревматологии. Если нет, то больше, пожалуйста, ко мне не приходите». Наш горемыка уныло пообещал, добавив, что готов безропотно пройти весь уготованный путь. Профессор предложил после завершения намеченных обследований связаться с ним через неделю. Возникло ощущение, что вторично избавиться от назойливого пациента профессору не удастся. В итоге Бененсон вынужден был подтвердить своё подозрение на наличие у пациента серьёзного воспалительного процесса, остановившись на диагнозе – ревматоидный полимиозит. После этого лечебный процесс сдвинулся с мёртвой точки. Немедленно были прописаны ударная доза преднизолона (30 мг с последующим снижением на 2,5 мг каждую неделю), курс (раз в неделю) инъекций метотрексата (МТХ) и антидепрессанты.

Больной оживал буквально на глазах. Он вновь почти без усилий и стонов стал пользоваться своими конечностями. Наблюдая эту отрадную картину, супруга не скрывала своих эмоций. Но прошло почти полгода, и появились весьма ощутимые побочные явления. Профессор Бененсону пришлось заменить «МТХ» на «Аркоксию».

Экспериментально было доказано, что обезболивающий эффект при применении препарата «Аркоксию» наступает уже через 25 минут и длится на протяжении суток. Но, к сожалению, это лекарство не безразлично, оно тоже вызывает весьма неприятные побочные последствия, поэтому его следует применять в малых дозах и минимально коротким курсом. Прописываемые препараты и их дозировки мелькали, сменяя друг друга, как в калейдоскопе. Но хуже всего было то, что менялись и врачи. Университетская клиника в Кёльне была настоящей кузницей медицинских кадров. Эта свистопляска началась сразу после ухода из жизни в 2011 году профессора Бененсона. Однако методика лечения, завещанная им, осталась неизменной, что давало нашему страстотерпцу возможность относительно терпимо жить дальше, добавляя при необходимости в своё насыщенное лекарственное меню ещё и общепринятые болеутоляющие – ибупрофен, диклофенак и им подобные.

Примерно в эти годы в Кёльне появилась врач, занимающаяся реабилитационной медициной, да ещё и говорящая на русском языке. Доктор Ольга Дуб, а речь именно о ней, каким-то волшебным образом очень быстро завоевала сердца, точнее страдающие организмы, кёльнской русскоязычной диаспоры. Не прошло и полгода как к ней ежедневно на приём набивалась толпа стонущих от боли пациентов. Среди них оказался и наш герой.

Уже первый визит произвёл на него неизгладимое впечатление. Доктор Дуб словно излучала мягкий целебный свет, от которого сразу становилось легче. Во всём чувствовался высокий профессионализм, а главное — искреннее желание помочь. Наконец он почувствовал себя в достаточной мере защищённым. Как-то так получилось, что у него с доктором вскоре завязались

завязались тёплые приятельские отношения. Он продолжал, как было установлено, раз в три месяца посещать домашнего врача и с той же периодичностью Университетскую клинику, но по-настоящему действенную помощь получал от замечательной Ольги Дуб.

Во время очередного визита доктор сказала, что у неё есть пациент с аналогичными болевыми ощущениями, который вот уже несколько месяцев использует спрей на каннабисе, и это ему очень помогает. Уже многие страны мира легализовали применение медицинской марихуаны, и, наконец, в марте 2017 года к этому присоединилась и Германия. Теперь медицинскую марихуану в различных формах можно было купить в аптеках Германии, но строго по врачебному рецепту. Вот доктор Дуб и предложила: «А не махнуть ли и нам, как говорилось в известном фильме, на Вильяма нашего Шекспира. Не попробовать ли и нам этот самый каннабис?!».

Долго не раздумывая, они отправились по этому не простому пути. После вступления

в силу соответствующего законодательства врачи Германии получили возможность выписывать препараты с каннабиоидами всем действительно нужда-

ющимся пациентам. При этом медицинские кассы после ряда бюрократических процедур перенимали расходы на это лечение. Но рассчитывать на то, что врач выпишет рецепт на коноплю может далеко не каждый. Надеяться на это могут лишь пациенты с сильными хроническими болями, страдающие рассеянным склерозом, ревматизмом, онкологическими заболеваниями и болеющие СПИД

- причем при условии, что все другие методы не дали желаемого результата. Лишь в этом случае расходы на препараты с каннабиоидами полностью перенимаются страховыми медицинскими кассами.

И всё же, невзирая на все превратности намеченного пути, наш больной под ненавязчивым руководством всё той же замечательной Ольги Дуб, преодолев все преграды, получил наконец долгожданное лекарство «Сативекс» — спрей на основе каннабиоида. В одну коробочку были заботливо уложены три марихуановых флакончика. Теперь оставалось дело за малым — 2-3 впрыска 2-3 раза

в день, и даже могло показаться, что можно поделиться здоровьем с любым желающим. Но «не так сталося, як гадалося» (укр.). Не в коня оказался корм.

Его привычные болевые ощущения практически не заметили столь необычного вмешательства. На семейном совете, как писал когда-то Саша Чёрный, «мрачному предавшись пессимизму» было принято волевое решение: хватит испытывать терпение и возможности современной медицины; будем донашивать то, что ещё теплится.

На этом, пожалуй, можно было бы и закончить эту незамысловатую историю, но неожиданно автору пришла на память коллизия пьесы Мольера «Мнимый больной». И тут его осенило: лучшей концовкой этого текста может быть отрывок из этой пьесы. Автор, не претендуя на соавторство с великим французом, просто предлагает небольшую цитату оттуда.

Арган. Значит, вы совсем не верите в медицину?

Беральд. Нет, братец, и не думаю, чтобы для моего блага мне следовало в нее верить.

Арган. Как! Вы не верите в истину, установленную

всем миром и почитаемую на протяжении многих веков?

Беральд. Я не только далек от того, чтобы верить в нее, но считаю, что это самая большая глупость, придуманная людьми. И если посмотреть на вещи с философской точки зрения, то я не знаю худшего лицемерия и большей нелепости, чем когда один человек берется вылечить другого.

Арган. Ваш Мольер со своими комедиями – изрядный наглец! Хорош предмет для насмешек – такие почтенные люди, как доктора!

Беральд. Он осмеивает не докторов, он показывает смешные стороны медицины.

Арган. Его ли ума это дело – критиковать медицину? Этаким невежа, этаким наглец! Смеяться над советами и рецептами врачей, нападать на медицинское сословие, выводить на сцену таких достойных людей, как доктора! Тем хуже для него, если он не прибегнет к лекарствам.

Беральд. У него есть причины отказываться от них: он уверяет, что лекарства хороши только для людей здоровых и крепких, у которых хватает сил выдержать одновременно и болезнь и лекарство; у него же самого ровно столько сил, сколько нужно, чтобы выдержать только болезнь.

Арган. Черт возьми! Будь я доктор, я бы отомстил Мольеру за его дерзость. А если бы он заболел, я бы оставил его без всякой помощи. Что бы с ним ни было, я не прописал бы ему ни единого клистиришки, ни единого кровопусканьишка.

Беральд. Однако вы на него очень сердиты!

Арган. Да, потому что он сумасброд, и умные доктора непременно так с ним и поступят.

Ноябрь, 2021 год

«Одинокий пишущий человек»

Сегодня 19 октября 2021 года. День рождения моей дорогой жены. Уже шестидесятый раз мы отмечаем с ней вместе эту торжественную дату. К этому дню кроме подарка и цветов я старался написать хотя бы несколько поздравительных стихотворных строчек, содержащих нежность, любовь, признательность и подходящий такому случаю пафос. Порой в поисках плодотворной идеи приходилось черпать вдохновение в календарях и даже в энциклопедии. В этот день в разные века и годы естественно происходило разное – от открытия, скажем, в 1811 году Императорского Царскосельского лицея и до изобретения Альбертом Шацем в 1943 году стрептомицина. Куда это меня занесло? Впрочем, во время этих изысканий я недавно натолкнулся на информацию, которая подтолкнула меня к созданию этого эссе.

19 октября 1909 г. Л. Н. Толстой в своём дневнике написал: «Если уж писать, то только тогда, когда не можешь не писать». И хотя великий писатель подразумевал при этом истинно творческий процесс, я эту формулу воспринял чисто технологически (Ха!), но всё же могу в полной мере отнести и к себе. Писательство в последние годы стало для меня неотъемлемой и даже значительной частью моей жизни. Лишь пристрастившись к этому, на первый взгляд совершенно не обязательному для меня занятию, я, наконец, полностью осознал, что попал в сладкие сети зависимости прямо-таки в медицинском смысле этого слова. Но вместо того, чтобы обратиться к врачу соответствующей специализации, я с настойчивостью достойной лучшего применения вот уже на протяжении двенадцати лет с большим или меньшим успехом что-то стряпаю из букв, слов и предложений, разделяя написанное для солидности не всегда обоснованными абзацами. В результате, страшно сказать, набралось уже ни много ни мало десять книжиц.

Впрочем, что касается успеха, то с этим я, конечно, погорячился. Я отчётливо представляю, что моя стряпня, выложенная лишь на моём интернетсайте, так и не увидевшая свет на бумажном носителе по финансовым при-

чинам, может заинтересовать весьма ограниченный круг лишь самых близких мне людей. Правда, недавно заглянув на сайт, я с удивлением увидел, что число посетивших его на данный момент времени перевалило через уже через восемьдесят тысяч. В это трудно было поверить. Придя в себя, я предположил, что многие из этих любознательных посетителей просто заблудились в лабиринтах Интернета.

Практически ежедневно я, как одержимый, («как» можно опустить) спешу к компьютеру, чтобы накропать хотя бы несколько свежих строчек, или перечитать и откорректировать написанное накануне. Просто болезнь какая-то! Пишу я мучительно и неторопливо – сказывается очевидный непрофессионализм и отсутствие отчётливого литературного дара. И всё же продолжаю писать, вызывая порой иронические улыбки недоброжелателей или сочувственную похвалу (на грани грубой лести) тепло относящихся ко мне родных и близких.

Принимаясь за написание очередного текста, почти никогда не знаю, как, в конце концов, я из него выпутаюсь. Обычно меня несёт не всегда управляемая интуиция. При этом мои мысли, как поёт О. Газманов «мои скакуны», к великому сожалению, порхают в замысловатом танце, напоминаям броуновское движение атомов или молекул. Зато, когда мне, наконец, удаётся справиться с этим хаосом, и строчки стройными рядами постепенно начинают заполнять отведенные под данный замысел страницы, я успокаиваюсь, и это позволяет мне довести задуманное до конца. Так я рано или поздно завершаю работу над очередной книжицей, преодолевая тысячу сомнений и миллион терзаний. Стоп! Что-то эти слова мне напомнили.... Ах да! «Милльон терзаний» – почти так называлась статья И. Гончарова, посвящённая комедии А. Грибоедова «Горе от ума». Тут уж я сам начинаю путаться. То ли действительно от большого ума, то ли от полного его отсутствия, но с момента, когда дописана последняя страница, на меня обрушиваются муки мученические. Я начинаю маяться от свалившегося на меня свободного времени, от

вольного ветра в голове, от отсутствия каких бы то ни было новых замыслов. А руки-то чешутся...

Вот так и живу в состоянии своеобразной ремиссии, точнее в состоянии глубокого застоя, вплоть до очередной острой фазы моего, судя по всему, практически неизлечимого заболевания. В «Википедии» об этом недуге сказано следующее: «Зависимость характеризуется непреодолимым стремлением к чему-то, что на время вызывает облегчение. Но когда это время заканчивается, наступает чувство потери, разочарование, тревога. Для избавления от этих чувств, человек опять удовлетворяет свое желание. И так каждый раз. Потребность не утоляется, а укореняется».

Недавно прочёл замечательную книгу Дины Рубиной «Одинокий пишущий человек». Применяя эту терминологию, я бы посоветовал всем пишущим людям её почитать и тоже восхититься тем, как поразительно точно описан процесс работы над очередным текстом. Но к моему восторгу было примешано и неподдельное удивление. При той огромной разнице между Рубиной – бле-

стящим мастером современной прозы и мной – полнейшим дилетантом я обнаружил в этой книге, как много всё же схожего с моими усилиями.

Это и мучительный подбор замысла, и определение места тех или иных персонажей в плотной паутине текста, и бесконечное переписывание вариантов в попытке сохранить и донести без пота и крови до читающего мой собственный стиль повествования. Я, к сожалению, не умею придумывать сюжеты. И это как раз говорит о том, что я никакой не писатель. Я могу писать только о том, чему я сам был свидетелем или в чём сам принимал участие. Что-то получается, а что-то – не очень. Даже моя жена и та почти в открытую не поощряет этот вид моей деятельности. Мне кажется, она даже стесняется этого. Видно побаивается, что надо мной станут посмеиваться. Лишь услышав и даже почитав некоторые весьма положительные отзывы на мои книжицы, она и сама стала слегка похваливать кое-что из мною написанного. Я не хотел бы её огорчать, а потому стараюсь, как могу, и прошу учесть, что это и обо мне сказано – одинокий слегка пишущий человек.

Октябрь, 2021 год

**Две стороны одной
медали
под названием
жизнь**

Аверс

Миновало полтора года вынужденного затворничества. Проклятый коронавирус держит в страхе жителей планеты Земля, продолжая свою страшную жатву. А мы, песчинки такого множества, особенно остро ощущаем это, потому что находимся на завершающей стадии жизненного пути. Нас не покидает ощущение, что украли часть лет, отпущенных и без того не щедрой рукой Всевышнего на десерт нашего земного бытия. Всё, что грело душу и сердце, по-прежнему оставалось закрытым, невзирая даже на полную вакцинацию. Приходится задыхаться в масках, обязательных для ношения в людных местах, иссушать кожу рук всевозможными антисептиками, ограничивать себя, что особенно болезненно, в привычном общении с приятелями и просто добрыми знакомыми. Дружеские поцелуи, объятия и рукопожатия стали расцениваться, как «Дела давно минувших дней», как нечто криминальное.

Впрочем, не всё так плохо. Просто (а просто ли?) приходится приспособливаться к новым жизненным условиям. Вы возмущённо спросите: «Какая же это жизнь?». И будете правы. И всё-таки... Злосчастная пандемия не смогла лишить нас наслаждения от чтения хороших книг, широкой палитры компьютерных возможностей, общения (порою с отвращением) с телевизором и пеших неспешных прогулок по прелестным близлежащим безлюдным природным оазисам. Кроме того, благодаря достижениям в области информационных технологий, появились достаточно простые, что важно, бесплатные программы, называемые красивым словом мессенджеры, позволяющие через Интернет в режиме реального времени, то-есть здесь и сейчас, обмениваться с родными и близкими письмами, телефонными звонками и даже разговаривать с использованием видеосвязи. Среди чайников, людей мало продвинутых, наибольшую популярность завоевал мессенджер Skype. Я же могу с чувством законной гордости заявить, что пользую ещё и такие мессенджеры, как WhatsApp,

Facebook, Telegram и, даже не побоюсь этого слова, Viber. Хотя, по правде сказать, всё-таки предпочитаю Skype. Зато при случае в разговоре с такими же чайниками могу блеснуть этими красивыми словами. Однако пора кончать с преамбулой. Как говорится, это была присказка, сказка – впереди.

Раздался хорошо знакомый навязчивый сигнал вышеупомянутого скайпа. На связь вышли дорогие нашему сердцу Леночка и Саша. Они поначалу, как всегда, поинтересовались нашим самочувствием и планами на будущее. Обычно я с большой охотой и подробностями живописую им нашу малонасыщенную событиями жизнь. А они, надо отдать им должное, терпеливо выслушивают мой вздор, проявляя неподдельный интерес к нашему бытию. На самом деле это можно объяснить лишь их тёплым (пытаюсь снизить пафос) отношением к нам. Нет, тут придётся сказать правду, одну только правду и ничего кроме правды. Да просто у нас взаимная любовь. Далеко не всегда отношения между родственниками достигают такого уровня. Однако, к счастью, так уж сложилось и давно.

Итак, выяснив довольно плотную раскладку наших врачебных визитов на август месяц (9-ого августа - у меня к ревматологу, а 18-ого августа - обоим к кардиологу), Саша в мягкой, но категоричной, форме (почему-то припомнилась фраза из любимого фильма – «буду бить аккуратно, но сильно») объявил: «Мы соскучились, а потому хотели бы вас видеть у нас в Бреццо-ди-Бедеро. Как раз с 10 по 17, как оказалось, у вас свободные дни, а это значит, что мы можем заказать вам на это время билеты туда и обратно. А в аэропорту Милана мы, как обычно, вас встретим».

Это было предложение, от которого невозможно было отказаться. Тем более, что мы об этом уже почти два года мечтали. При этом мы хорошо знали, о чём мечтали. Ведь уже трижды испытывали на себе их ненавязчивое гостеприимство в самом душевном и сердечном смысле этого слова. Когда впервые приехали к ним и вышли на террасу, у нас появилось ощущение, что мы попали в рай земной.

Отсюда, с утопающего в зелени двухэтажного шале, расположенного на одном из холмов альпийского предгорья, открывался чарующий вид на серо-голубую гладь озера Ла-

го-Маджоре и сверкающие в солнечную погоду снежные вершины Альп. Всё дышало умиротворением и безмятежностью. Звонящая тишина только усиливала эффект от увиденного. Лишь небольшие белопарусные яхты заставляли слегка морщиться зеркальную поверхность озера.

...И на сей раз всё произошло в соответствии с тщательно разработанным генеральным планом нашего визита. Буквально уже на следующий день ребята прислали билеты на соответствующие рейсы авиакомпании Ryanair. Теперь нам оставалось только внимательно ознакомиться с правилами перелёта из Германии в Италию, которые ужесточились в связи с пандемией. Особенно тревожил вопрос – не понадобится ли в последнюю минуту перед вылетом, невзирая на имеющиеся у нас сертификаты о вакцинации, делать ПЦР-тесты. Ясности не было. Зато определённо возникла необходимость в заполнении онлайн длинной (чиновник тоже хочет жить) европейской цифровой анкеты, с чем мы, признаюсь, справились, хотя и не без трудностей. Забегая немного вперёд, скажу, что на самом деле ни в одном из аэропортов никого не заинтересовали ни наши анкеты, ни наши так называемые зелёные сертификаты. При этом самым поразительным было то, что нам нигде не пришлось предъявлять даже свои удостоверения личности. Это я вынужден отнести за счёт неотразимости наших личностей.

Трансфер прошёл без особенностей, если не считать,

что все объявления, несшиеся из радиорубки, произносились лишь на итальянском и английском языках. Я с трудом сдерживал негодование в связи с необъяснимой дискриминацией немецкого языка. Полёт из аэропорта Кёльн/Бонн до аэропорта Милан-Бергамо длился чуть больше часа. Не успели взлететь, как была объявлена посадка. На выходе нас уже ожидали, переминаясь с ноги на ногу, Саша и Мишаня. Никакая пандемия не смогла охладить наши горячие объятия. Полтора часа весёлого трёпа во время езды до Брецо-ди-Бедеро по прекрасным дорогам Ломбардии пролетели незаметно. Лишь иногда приходилось отвлекаться на созерцание живописных ландшафтов, то и дело возникающих по обе стороны дороги. Дома нас встретили четыре грации, мал мала меньше. Они же – четыре красотки, одна краше другой – Леночка, Дарюша, Лизочка и Соняша.

Общее ликование сменилось прозой жизни. Леночка тихим голосом (они все тихо разговаривают, разумеется, кроме девчонок) предложила: «Заносите вещи в приготовленную для вас комнату,

мойте руки и прямиком к столу». «Слушаюсь и повинуюсь» – сказал я, и все бросились врассыпную. Быстро раскрыв чемодан, мы извлекли из него дары волхвов. Роль волхвов мы взвалили на себя. Лизочке и Сонечке, которым уже исполнилось 7 лет (почти) и 4 года соответственно, достались нарядные летние платья. Примерить их девочек долго уговаривать не пришлось. Было ощущение, будто квартира превратилась в цветущий сад. Оба наряда оказались впору и даже немножко с запасом на вырост.

Лизочка всю неделю, которую мы там находились, дефилировала в нём, проявляя тем самым не свойственную семилетней девочке интеллигентность, а Сонечка, выразив положенную в такой ситуации порцию восторгов, уже через 10 минут сбросила платьице, предпочитая природную неотразимость любым искусственным украшениям.

Наконец страсти, связанные с нашим появлением, улеглись. Все собрались на террасе за огромным овальным столом, явно приобретённым уже из расчёта на наше появление. Скромность никогда не была моей самой сильной чертой. Как же приятно было ощущать себя частью этой дружной семьи. В торжественном ужине принимали участие сразу четыре поколения. Я ещё дома долго разбирался в формальных хитросплетениях наших родственных связей и, полагаю, мне это всё-таки удалось.

Итак, начнём с себя. Мы с Таней для Лены и Саши – двоюродные дядя и тётя, а они приходятся нам племянницей и племянником соответственно. Их сын Миша и его жена Дарья для нас – внучатые племянник и племянница, а мы для них – двоюродные дедушка и бабушка. Что же касается Лизы и Сони, то для них мы двоюродные прадедушка и прабабушка (жуть какая-то), а как их величать по отношению к нам, я так и не выяснил. Поэтому буду их называть – две девчушки-симпатюшки. Вскоре мелких отправили спать. Правда задача, прямо скажем, оказалась не из лёгких. На террасе периодически появлялись, как тени отца Гамлета, то Соняша, то Лизок с вполне законными, на их взгляд, требованиями. Одну совершенно неожиданно сразило неодолимое чувство голода – для спасения ребёнка срочно потребовался бутерброд с маслом, другую именно в тот момент замучила иссушающая жажда, а её утоление, как вы понимаете, процесс не быстрый. Но вишенкой на торте оказалось появление у Лизочки на руке так называемой большушки - мнимой царапинки, которую и под микроскопом едва ли можно было рассмотреть. Дом оглашался горькими рыданиями, с которыми обычно привычно справлялись то ли родители (чаще, разумеется, мама), то ли бабушка или дедушка

(чаще, разумеется, бабушка). Страшное увечье удалось устранить только хитростью и лаской без применения последних достижений медицины. Так что, права народная мудрость: сколько веревочке не виться, а конец будет. Девчонки устали от собственных проказ и благополучно уснули.

Мы же продолжали неспешную беседу, наслаждаясь ночными огнями, обозначавшими своим хрустальным сиянием извилистые берега Лаго-Маджоре.

Постепенно интенсивность разговора пошла на спад, а накопленная за день усталость стала преобладать над радостью общения, и мы дружно разошлись по спальням.

«А поутру они проснулись» (мой поклон В. М. Шукшину) и сразу же попали в тёплые объятия их коллективного гостеприимства. На протяжении всех дней мы ощущали

себя желанными гостями. Этому ещё и способствовали прекрасная погода и окружающая нас природа.

Мы ежедневно купались в бассейне и даже в озере, нас угощали красотами окрестных

достопримечательностей, вкусно и разнообразно кормили и поили. Короче, всесторонне обхаживали, не давая даже взяться за холодную воду, сдувая с нас только им видимые пылинки. Ребята, как старшие, так и младшие увлекаются так называемым хайкингом – пешим туризмом. В этом, по вполне понятным причинам, мы смогли составить им компанию лишь на очень короткие дистанции. Кроме того, младшие в полном составе (девчонки совершенно не боятся воды) с удовольствием занимаются скольжением на надувных сапах. Лизочка прекрасно держится на воде, а Соняша на наших глазах стала делать первые успешные шаги в освоении водного пространства. При этом всё вокруг заполнялось бьющими фонтаном радостными воплями. Мы же, находясь в этой жизнеутверждающей компании, заряжались их энергетикой и на глазах молодежи, опасаясь при этом, как бы действительно не впасть в детство.

Девчонки готовы были не вылезать из воды, если бы не предательский цвет губ. Поэтому самым актуальным вопросом во время купания становился: «А у меня губы розовые или синие?». И если родители обнаруживали явные или мнимые признаки синевы, то девчонки безропотно покидали бассейн, чтобы немного погреться на солнышке.

Но всё-таки самым приятным было взаимное общение. Спонтанно возникающие темы для разговора оказывались интересными всем. К сожалению, больше слушали нас. А нам-то, как раз, хотелось подпитываться от молодых, которые, благодаря современным информационным возможностям, знают всё и обо всём значительно больше нашего. Мы же с ними можем делиться только преданиями старины глубокой (очередной поклон А. С. Пушкину). В данном контексте слово «старина» является ключевым. И не удивительно, что рассказываемые нами байки и побасенки, по крайней мере, Леночка и Саша слушали уже не первый раз. Утешимся известным народным постулатом: «Повторение - мать ученья». Иногда разговор касался моих книжек, поминаемых незлым

тихим словом. Чаще всего это были тёплые и даже комплиментарные слова. А я, признаюсь честно, это люблю. Да, кто же не любит, когда его хвалят? Вопрос явно риторический. В рамках развития темы скажу – я порой искренне сожалею, что не смогу присутствовать на собственных похоронах. Вот где, надеюсь, я бы отвёл душу. Вот уж где бы я наслушался комплиментов, возможно, правда, не всегда искренних. А быть может, кто-то и «прольёт слезу над ранней урной». Без Александра Сергеевича - никак.

Неотвратимо приближался день отъезда. Наш гостёж на протяжении всех дней отличала предельная концентрация душевного общения. На этом фоне такие несхожие, но так удачно взаимно дополняющие друг друга, человеческие характеры принимающей стороны (эк завернул), проявлялись особенно выпукло. Саша – человек, для которого экспромт в принятии решений дело обыденное. Причем жизнь показала, что их суммарная составляющая была, несомненно, со знаком плюс. Леночка постоянно обуреваемая сомнениями, что является очень важным сдерживающим фактором, роль которого во всех их жизненных коллизиях невозможно переоценить. Как раз на этом сочетании Сашиного генерирующего оптимизма и Леночкиного взвешенного пессимизма держится их семейная пирамида (в хорошем смысле этого слова).

Миша взял от родителей всё лучшее, что они смогли ему предложить. В результате получился обаятельный молодой человек, обладающий завидной выдержкой, которая смогла бы украсить самый дорогой коньяк. Он производит впечатление человека основательного, способного к неторопливому анализу происходящего. Его милейшая супруга Дарья в подтверждение постулата о том, что противоположные заряды притягиваются, обладает умело скрываемым ярким взрывным темпераментом, острым слухом и внимательным взглядом. Эти её черты мы с благодарностью ощущали на себе. Только успевали подумать, дескать, хорошо бы присесть, как креслица оказывалось уже у наших ног. Порой достаточно было неосторожно бросить жадный взгляд на порожнюю бутылку

из-под воды, как тут же волшебным образом наши стаканы наполнялись свежим питьём. А терпение, с которым они, не повышая голоса, учили уму-разуму своих замечательных капризных девчонок, вызывало у нас удивление и восхищение. Разумеется, в семье не бывает всегда тишь да гладь да божья благодать, но, как говорится, здесь и сейчас всё происходящее нам было мило.

Перечитав предыдущую фразу, я обратил внимание на то, что одновременно использовал слова «всегда» и «сейчас». В этом ощущалось какое-то противоречие. Однако слегка поразмыслив, я пришёл к неожиданному выводу: понятие «сейчас» это просто часть понятия «всегда», а значит «здесь и сейчас» – это «везде и всегда». Вот и я внёс свой скромный вклад в специальную теорию относительности. Прошу простить мне эту шалость, зато теперь я всерьёз могу воспринимать такие важные понятия, как пространство и время.

Я понимаю, что давать оценку состоявшимся личностям занятие сомнительного толка. Даже может показаться, что я, как автор простого бытописания, превышаю отпущенные мне полномочия. Однако, во-первых, я пишу это с любовью, а с любовью, как известно, не шутят; а во-вторых, сердечность и тёплое отношение к нам позволяет ощущать себя пусть даже двоюродными, но всё же патриархами этой большой и дружной семьи.

Отзвучали фанфары, отгремели барабаны и чемодан захлопнут. Благодарственные слова, объятия, поцелуи – всё позади. Лишь у меня в голове, прорываясь через барьеры памяти, как перестук дятла, звучат строчки: «Продлись, продлись, очарованье. Пускай скудеет в жилах кровь, Но в сердце не скудеет нежность...». Однако даже Ф. И. Тютчев не помогает. Саша и Леночка уже везут нас в аэропорт. Долгие проводы – лишние слёзы. Взлёт – посадка, и мы уже в Кёльне. Оказывается, дома тоже неплохо. Даже почтовый ящик, к нашей радости, не подготовил никаких сюрпризов. Теперь все наши мысли уже были направлены на предстоящий завтра визит к кардиологу.

Реверс

Утром за нами заехала машина от службы по уходу (Pflagedienst „Julia“) и отвезла на противоположный конец города, где расположен кардиоцентр, в котором работает любимый мною доктор Хаасс (Haass). Три года назад, после тщательного обследования в праксисе, он отправил меня в больницу, где сам при помощи катетера установил два стента, что, признаюсь, дало мне возможность дышать полной грудью. Прошло, как я уже сказал почти три года, и вновь что-то пошло не так. Появилась даже при незначительных нагрузках сильная одышка, участились приступы тахикардии и аритмии. С таким букетом признаков увядания я появился пред ясны очи доктора Хаасса. Таня же в сердечной сфере жалоб не имела (разве что на меня), поэтому пришла как бы на техосмотр. Доктор, как всегда, был чрезвычайно предупредителен, нетороплив и внимателен.

Меня завели в кабинет ультразвукового обследования, где началась настоящая магия. Доктор развернул дисплей аппарата так, чтобы я тоже мог всё видеть, взял в руку датчик, напоминающий электрошокер, щедро покрыл его специальным гелем и приступил к привычной для себя работе. У меня же появилось малоприятное ощущение, будто доктор пытается протолкнуть этот самый датчик сквозь мою грудную клетку поближе к исследуемому объекту. Всё это время я явственно слышал волнующий голос своего сердца. Порой это напоминало чеканный шаг роты солдат, а иногда это звучало как чавканье прохудившегося водяного насоса. Я отчётливо видел сосуды, наполненные пульсирующей кровью и причмокивающие рыбки рты клапанов моего сердца. Передо мной был загадочный механизм, от безотказности работы которого напрямую зависела моя жизнь. Это было странное почти мистическое зрелище, но почему-то оно наполнило меня весёлым оптимизмом. Правда, как позже выяснилось, эту эйфорию, к сожалению, не смог в полной мере разделить со мной доктор Хаасс.

Он объявил профессионально спокойным голосом, что у меня ярко выраженный стеноз аортального клапана, который, скорее всего, придётся заменить искусственным. И бодро продолжил: «Чтобы подготовиться к этой операции, вам придётся лечь на пару – тройку дней в больницу, где будет проведено более углублённое обследование особенностей вашего организма, накопившихся за долгую жизнь». Что же, как в известном старом анекдоте: «Доктор сказал резать? Резать, так резать». Короче, спустя два дня, с утра пораньше я сдался на милость больницы орденна Августинцев, являющейся академической клиникой Кёльнского Университета.

Не откладывая в долгий ящик (не подумайте плохого), проведя через несложные бюрократические процедуры, меня завели в операционную, велели полностью раздеться, предложив прикрыть мою малопривлекательную наготу белоснежной крахмаленной хламидой, напоминающей по фасону халат патологоанатома. А по длине эта накидка могла быть впору лишь карлику, к тому же этот или какой другой недомерок умудрился оборвать на ней все завязки. Не трудно представить, как я выглядел в этом наряде. Но, невзирая на всю привлекательность открывшегося зрелища, сестра, и глазом не поведя (даже обидно), повела меня в операционную. И вот я уже возлежу на хирургическом столе в окружении какой-то просто-таки космической техники. На запястье левой руки мне установили канюлю, а через вену на правой руке ввели катетер. Самым неприятным и даже болезненным был момент удаления обручального кольца. Сестричка прикладывала такие усилия, что я мысленно уже готов был попрощаться со своим безымянным пальцем. Однако всё закончилось благополучно. А благодаря лёгкой анестезии, я беззаботно проспал основную процедуру. Пробуждение было лёгким. Надо мной, нежно улыбаясь, нависал доктор Хаасс.

– Всё в порядке, – сказал он. – Состояние ваших (наших) стентов позволяет нам быть уверенными в благополучном исходе предстоящей операции. А сейчас вас отвезут

в палату, где вы сможете, наконец, отдохнуть. Слово «отдохнуть» в своей парадоксальности оказалось ключевым. Если бы доктор только знал, как он был далёк от истины. Однако всё по порядку.

Меня уложили на самоходную кровать с двигателем в две сестринские силы, и мы отправились в путь. С крейсерской скоростью моё транспортное средство вкатилось в трёхместную палату № 612, расположенную на шестом этаже. Будущие соседи по комнате с тревогой приподняли головы, но, убедившись, что прибывший пациент не похож на умирающего в муках, быстро успокоились. На кровати у двери лежал, слегка постанывая, тучный пожилой турок с лицом, выражающим крайнюю степень отвращения ко всему окружающему. Было видно – человеку плохо. Место у окна, как и положено по понятиям, занимал пахан. Эх, знать бы, что моя метафора обернётся почти пророчеством.... Поэтому, не умаляя уровня литературного приёма, скажу, что моя кровать заняла своё законное место у параша, то бишь у туалета. С кровати у окна довольно живо поднялся высокий стройный молодой мужчина, от плеча которого тянулась трубка к капельнице, и любезно предложил мне занять пустующее отделение одёжного шкафа. Он оказался выходцем из Латвии (Даугавпилс) и, конечно же, русскоязычным. Если бы не отсутствие во рту большинства передних зубов, его можно было бы отнести к категории красавцев. Скажу больше, на мой взгляд, он внешне напоминал актёра Филиппа Янковского. Я обратил внимание на его несколько завышенную экзальтацию и словоохотливость, но постепенно всё стало проясняться. Воспользовавшись тем, что мне поставили капельницу, ограничивающую возможности передвижения, Руслан, а его звали именно так, с подкупающей улыбкой стал рассказывать свою историю, которая вполне могла соперничать со сказками Шахерезады.

– В Кёльн, по правде говоря, я попал случайно. У меня, как говорится, шило в заднице (лёгкая усмешка). Клянусь, просто не могу долго находиться на одном месте. С языками у меня проблем не было никогда. Знаю – не

знаю, но понять друг друга, при желании, всегда можно (лёгкая усмешка). Как-то добрые люди мне сказали, что в Кёльне достать героин легче лёгкого. А я к тому времени снова уже без него обходиться не мог (лёгкая усмешка). Вы не думайте, клянусь, у меня были разные времена. Мне недавно исполнилось 38 лет. Но я уже был трижды женат и у меня трое замечательных детей. Правда, браки мои длились недолго. Да и какая жена может выдерживать мужа с шилом в заднице (лёгкая усмешка). Слава Богу, живёт и здравствует моя мамулечка, которая любит и терпит меня. Недавно прислала мне посылку с тёплыми вещами и моим любимым вишнёвым вареньем (лёгкая усмешка). Хотите? Я вас угощу.

– Нет, нет. Спасибо. Мне бы сейчас слегка перекусить. К сожалению, из-за затянувшегося обследования я пропустил обед, но мне жена предусмотрительно дала с собой бутерброд.

– Тогда порядок. Идёмте, я покажу нашу чайную комнату, где, клянусь, в любое время суток можно получить вкусный кофе из автомата или сделать себе чай.

Мы подхватили свои стойки с капельницами и проковыляли в коридор. Этот чайно-кофейный рай находился буквально напротив нашей палаты. Когда уже с чашкой ароматного кофе в руке я вернулся в палату, то увидел на своей тумбочке пакетик с вафлями. Я оценил деликатность Руслана, и, признаюсь, меня это тронуло. Кофе, бутерброд и вафли – голодная смерть обошла меня стороной.

Пока я трапезничал, за Русланом пришла дежурная сестра и увела его на очередную процедуру. Турок, перестав стонать, сказал, что его зовут Бурхан, и с места в карьер стал с подробностями сетовать на мучающий его многодневный запор. Но даже это не могло мне испортить аппетит. Я продолжал жевать, сочувственно кивая в ответ на непрекращающиеся жалобы Бурхана. Покончив с бутербродом, я решил немного вздремнуть. Но не тут-то было. Вскоре меня разбудил буквально звериный рык. Оказалось, что этот самый Бурхан страдает ещё и затяжными задержками дыхания во время сна (апноэ), из которых

он выходит таким душераздирающим храпом. Эти звуки, поверьте мне, могли бы поднять и мёртвого. Но Турок продолжал спать, как ни в чём не бывало, периодически оглашая пространство своим трубным гласом.

Вскоре принесли ужин. К этому моменту уже вернулся Руслан, и проснулся Бурхан. Мне снова поставили капельницу, объяснив это необходимостью снизить негативное воздействие на почки контрастной жидкости, введенной при обследовании. К Бурхану пришли дети, а Руслан решил продолжить свой рассказ.

– Короче, попав в Кёльн, я очень быстро нашёл приличную ночлежку и нужных мне людей, у которых можно было разжиться необходимыми дозами. Началась, клянусь, весёлая жизнь. Но однажды, гуляя по старому городу, я почувствовал нестерпимую боль в груди и, наверно, сразу потерял сознание. Клянусь, дальше всё в тумане. Короче, очнулся я в реанимации Клиники Университета. Мне врачи рассказали, что у меня был острый инфаркт, что потребовалась срочная операция на открытом сердце по установке двух байпасов. Хотите посмотреть какой у меня классный шов? Прошёл только месяц, а уже почти ничего не видно (лёгкая усмешка).

С этими словами он, задрав рубаху, радостно продемонстрировал результат швейного искусства кардиохирургов. Его бледная грудь напомнила мне свежешаршированную курицу перед загрузкой её в разогретую духовку.

– Только почему-то до сих пор болят рёбра, – продолжил он. – Вообще там было классно. Клянусь, они с пониманием отнеслись к наступившей у меня ломке. В нужное время я получал спасительный укол искусственного наркотика (лёгкая усмешка). Короче, я мог теперь спать ночью.

В этот момент раздался стук в дверь, и «Шахерезада прекратила дозволенные речи». Вошла дежурная сестра со шприцем, как со штыком, наперевес. Руслан явно ожилился, быстро юркнул в постель и получил, наконец, долгожданную дозу. Уже через 15 минут он сладко спал. Бур-

хан распрощался со своими посетителями и тоже улёгся в кровать. Часы показывали восемь вечера. Спать ещё совсем не хотелось, поэтому я взял свой «киндл» и пошёл читать в коридор, где можно было, присев у открытого окна, совмещать приятное с полезным. Но накопленная за день усталость довольно быстро загнала и меня в постель. Однако, как писал А. Блок «Покой нам только снится». Поспать мне таки не удалось. Хрип – храп, храп – хрип, как оживший вулкан, клокочет Бурхан. И как тут уснёшь! Но оказалось, это были только цветочки, ягодки меня ожидали впереди. Отхрапев своё, Бурхан проснулся. Не приходя в сознание, он стал давить на кнопку вызова дежурной сестры. Особого успеха эта акция не имела. Однако пациент был настойчив. Когда, наконец, пришла сестра, Бурхан был уже, как раскалённая сковородка. Он с жаром достойным юношеского максимализма поведал ей, что уже пятый день у него нет желудка, что он уже больше не может терпеть, и, что она должна ему срочно помочь. По её виду было понятно, что она слышит от него это уже не в первый раз, и она, конечно же, готова помочь, но ей для этого нужно посоветоваться с дежурным врачом. Через очень непродолжительное время палата заполнилась людьми в белых халатах.

Мне стало ясно – ночь пропала безвозвратно. Мои нервы, прямо скажем, стали сдавать. Возникло ощущение, что весь ночной персонал отделения во главе с дежурным врачом собрался в нашей палате, чтобы помочь Бархану, пардон, просрать. После короткого консилиума Бархана подхватили под белы ручки, и вся процессия направилась в туалет. Возня в районе унитаза продолжалась около часа. На протяжении всего этого времени из-за стыдливо прикрытых дверей туалета раздавались леденящие душу звуки. От сольного кряхтения страдальца до беквокальных стонов людей в белых халатах. Воспользовавшись этой странной гармонией, я попытался незаметно выскользнуть из палаты, и в этот момент раздался коллективный ликующий вопль на фоне вполне определенного физиологического звукового сопровождения.

Я вернулся в палату лишь под утро. Поспать удалось не больше трёх часов.

Как известно больничное утро не отличается большим разнообразием. Пробуждение в 7 утра, сестринский обход с соответствующей атрибутикой, утренний туалет и дремотное ожидание завтрака. Откровенно говоря, я совершенно не понимал, зачем меня оставляют здесь ещё на сутки. По самочувствию я мог бы сделать ноги уже сейчас, но, очевидно, судьбе было угодно предоставить мне возможность сполна насладиться соседями по палате. Впрочем, после своих ночных приключений Бурхан притих, лишь изредка оглашая комнату своим прерывистым всхлипыванием. Руслан же, воспользовавшись благоприятной обстановкой, решил изложить со всеми подробностями недосказанные детали его замысловатой жизни. Мне, откровенно говоря, уже изрядно поднадоели его витиеватые откровения, в которых непросто было разобраться, где правда, а где вымысел.

Ближе к вечеру я обратил внимание, что Руслан стал заметно нервничать. Он что-то невразумительное непрерывно произносил, сбрасывая судорожными движениями со лба бисеринки пота. В конце концов, он вызвал сестру и потребовал, чтобы ему немедленно сделали тот самый укол. Сестра, как могла, пыталась снизить точку накала, дрожащим голосом объясняя, что всё делается в соответствии с предписаниями палатного врача. Однако этого объяснения хватило ненадолго. Грозовая атмосфера постепенно сгущалась. Руслан то ложился, укрывшись с головой одеялом, то вскакивал и, подхватив стойку с капельницей, выбегал в коридор, то вновь обессилено валился на кровать, продолжая теревить кнопку вызова. За это время на смену уже заступила ночная сестра, на которую и обрушилась отборная брань на немецком и русском языках, где самым невинным было многократно повторяемое слово «блядь». Очередная его гневная тирада закончилась тем, что он вырвал иглу капельницы из вены и швырнул её вместе со стойкой в дежурную сестру, которая, проявив ловкость цирковой акробатки, с душеразди-

рающим воплем увернулась от этого лечебного снаряда и выбежала в коридор.

К сожалению, подобную изворотливость мне продемонстрировать не удалось. Флакон с живительной жидкостью угодил мне в живот, а стойка приземлилась в ногах, испытал на прочность голень моей левой ноги. «Ни хрена себе», - подумал я и выскочил, прихрамывая следом. Стало совершенно ясно, что и эта ночь не принесёт мне покоя. Не прошло и десяти минут, как в нашу палату в сопровождении заплаканной дежурной сестры решительно вошли люди в зелёном – парень и девушка в строгой полицейской форме. Руслан, как по мановению волшебной палочки, резко сбавил обороты, но продолжал исключительно по-немецки канючить, уже старательно избегая красочных метафор, характерных для русского языка. После довольно продолжительного обмена мнениями высокие договаривающиеся стороны пришли к консенсусу. В результате в палату был вызван самый старший дежурный врач, который и дал распоряжение сделать тот самый злополучный дополнительный укол. Вскоре Руслан затих, и даже Бурхан, по-видимому от страха, перестал издавать свои гортанные звуки, а я, повернувшись к стенке, стал призывать на помощь Морфея.

Утром сразу после завтрака палатный врач вручил мне (врач вручил - неплохо) документы, сказав при этом, что стенты, установленные три года назад, находятся в приличном состоянии, и что это позволяет с хорошими шансами на успех провести замену моего уже никуда не годного стенозировавшего аортального клапана. Он объявил профессионально спокойным голосом, что у меня ярко выраженный стеноз аортального клапана, который, скорее всего, придётся заменить на искусственный.

Но это, как говорится, уже совсем другая история.

Октябрь, 2021 год

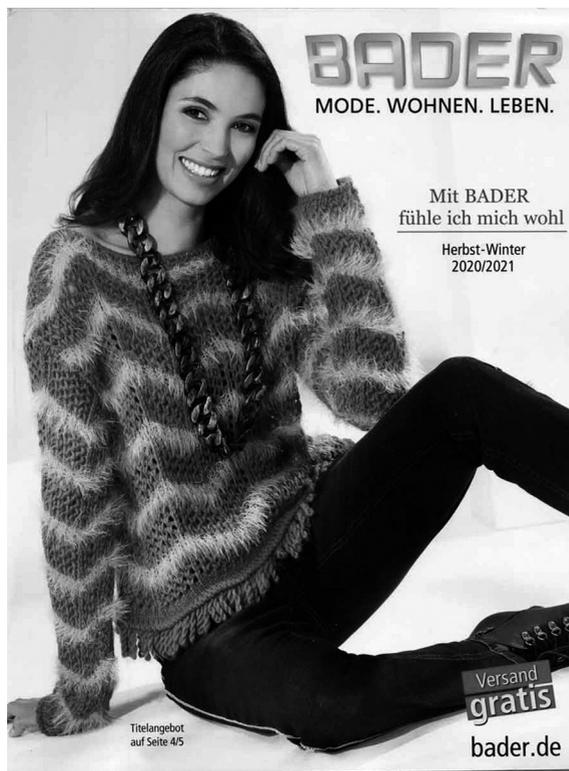
Кресло

Аркадий Петрович просидел своё любимое кресло окончательно и бесповоротно. И хотя возраст кресла по человеческим меркам ещё не достиг даже пенсионного уровня, годы неостановимо делали свою разрушительную работу. Радовало лишь то, что темпы возрастной деградации кресла были куда как интенсивнее темпов естественного старения Аркадия Петровича. Радость, правда, омрачалась неудобствами, которые испытывали его тело в целом и задница в частности. Терпению Аркадия Петровича пришёл конец. Всякий раз, вставая с кресла, он вынужден был подолгу массировать затёкшие бёдра и ягодицы. Наконец на семейном совете было принято волевое решение – нужно срочно купить новое кресло.

Решение то было своевременным, но как раз именно время оказалось неподходящим. Мир сотрясала коронавирусная пандемия. Все магазины, торгующие товарами не первой необходимости, были закрыты. И мебельные магазины были, разумеется, в том числе. Тогда Аркадий Петрович решил порыскать в Интернете по популярным каталогам. Хотя его супруга, Наталья Сергеевна, со свойственным ей разрушительным пессимизмом, всячески от этого отговаривала. Разумеется, одолевали сомнения – можно ли вообще делать такую серьёзную покупку заочно. Можно ли в принципе стать обладателем удобного кресла, не посидев в нём, не апробировав его, так сказать, собственной задницей. Но «идея овладела массами». Аркадий Петрович часами просиживал за ноутбуком в попытке найти подходящее кресло. Периодически он подзывал супругу, чтобы не принимать столь ответственное решение самостоятельно. После длительных дебатов остановились на так называемом кресле для отдыха (релакс) в каталоге «Бадер» за 490 евро. Хотя решение было обоюдным, но меня, по правде говоря, мучила совесть. Я искренне считал, что моя многострадальная корма не заслужила такой дорогостоящей упаковки.

Время шло, но от «Бадера» не было ни ответа, ни привета. Прошёл месяц, за ним – второй. Однако новое кресло так и не появилось. Аркадий Петрович безуспешно пытался

дозвониться до офиса каталога «Бадер», но преодолеть сигнал «занято» ему так и не удалось. Зато на протяжении нескольких последующих месяцев мой смартфон «радовал» меня манящими рекламами от производителей и продавцов самых разнообразных кресел.

В конце концов, он махнул рукой на эту безнадёгу, бла-

го к этому времени локдаун несколько смягчился. Стали открываться некоторые магазины. При входе достаточно было предъявить сертификат о вакцинации или занести свои личные данные в специальные формуляры, якобы гарантирующие при этом стопроцентную защиту представленной информации. И началась очередная поисковая эпопея с возможностью пробного тактильного контакта между сидением и сиденьем. Аркадий Петрович и Наталья Сергеевна обошли все известные им вновь открывшиеся мебельные магазины Кёльна. Однако ни на чём они так и не смогли остановиться. То ли кресло оказывалось слишком жёстким, то ли смущал его внешний вид, то ли не устраивала цена. Аркадий Петрович уже готов был сдаться, но болезного гнало дальше его истрадавшееся мягкое место. Причём «дальше» являлось ключевым словом.

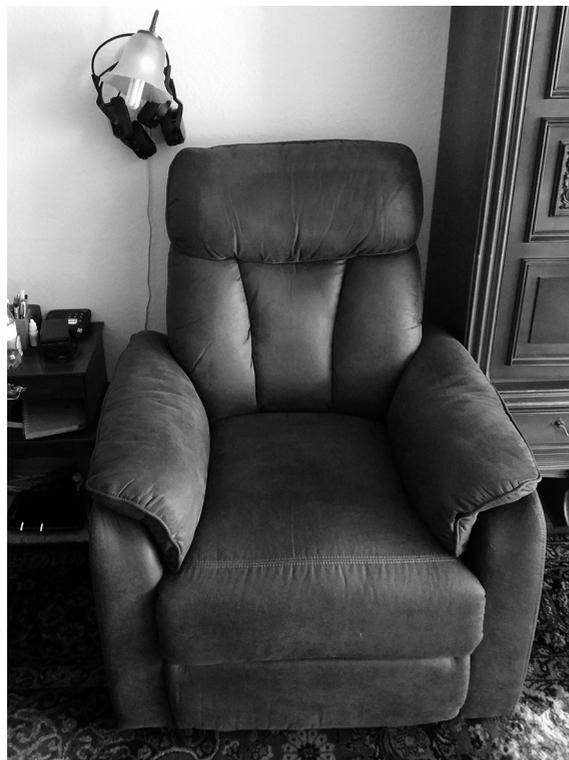
Последним магазином на их нелёгком пути оказался такой себе своеобразный мебельный сельмаг «Босс-Линд» (Boss-Lind). Поскольку этот филиал системы мебельных магазинов «Boss» находился где-то у чёрта на куличках уже за городской чертой, Аркадий Петрович при помощи всезнающего гугла проложил к нему оптимальный маршрут. Достичь цели можно было, лишь сделав три пересадки, используя при том все виды городского транспорта, и затратив на дорогу более полутора часов.

Добравшись до места назначения, они увидели перед собой довольно большое (по городским меркам) пространство, на котором как-

то бессистемно расположились несколько магазинов. «Босс» занимал центральное место. Это был огромный павильон, в котором образцы предлагаемой мебели были расставлены, как показалось Аркадию Петровичу, в антихудожественном беспорядке. Если бы не Наталья Сергеевна, они бы ещё долго кружили по необъятным просторам магазина в каком-то странном танце в поисках кресельной секции. Наталья Сергеевна почти всегда интуитивно безошибочно ориентировалась на незнакомой местности. Благодаря этому их усилия, в конце концов, увенчались успехом. Именно Наталья Сергеевна увидела кресло, которое, как им обоим показалось, соответствовало всем требованиям.

Аркадию Петровичу в нём было удобно сидеть (ещё бы, натоптавшись в поисках за целый день), оно было не маркой тёмно-коричневой расцветки и к тому же стоило всего 199 евро. Оформление покупки прошло без особенностей. Аркадий Петрович оплатил не только доставку, но и вывоз ненавистного старого кресла. Спустя три дня прибыло новое кресло, и Аркадий Петрович какое-то время

действительно блаженствовал, пока не почувствовал, что его новый трон имеет слишком низкую посадку. Садиться то было легко, а вставать... вот именно.

Нужно было, не откладывая в долгий ящик, срочно найти какое-то простое техническое решение этой, казалось бы, незначительной проблемы. Кресло базировалось

на четырёх пластмассовых ножках, нарастить которые не представлялось возможным. «Мы пойдём другим путём», – подумал Аркадий Петрович. Узнав, что в крупных хозяйственных магазинах типа «Баухауз» (Bauhaus) или «ОБИ» (OBI) существуют небольшие секции, называющиеся «Мебельные ноги» (Möbelbeine), он незамедлительно отправился туда. Тут-то Аркадий Петрович и нашёл то, что помогло решить проблему. Это были деревянные колонки, напоминающие ноги слона, страдающего малокровием. Один торец такой ноги был снабжён резьбовым штырём, благодаря которому ножки могли крепиться к мебели, поскольку размер резьбы штыря точно соответствовал резьбовому отверстию в кресле. Аркадий Петрович мысленно отдал должное немецкой стандартизации.

Короче, сменить старые пластмассовые ножки на благоприобретенные деревянные ноги удалось без труда.

было невозможно. Ситуация представлялась совершенно безвыходной. Случилось бы подобное в его прошлой жизни, и проблема была бы решена в течение одного дня. Первый попавшийся токарь дядя Вася за чекушку водки укоротил бы гордыню этим гигантским ногам, и дело с концом. Но, как говорил незабвенный Виктор Степанович Черномырдин: «Тут вам не здесь».

Опечаленный Аркадий Петрович, скрепя сердце и понурив голову, невзирая на ощутимые протесты истрадавшейся задницы, вынужден был вернуться к родным (для кресла) пластмассовым опорам. Просто какое-то дежавю! Теперь Аркадий Петрович задумал решать проблему комплексно. Неподвижные ноги кресла он решил заменить вращающимися роликовыми опорами, в попытке убить тем самым сразу двух зайцев. С одной стороны кресло станет чуть выше, а с другой, его можно будет легко

Казалось бы, всё решилось. Ан нет! Теперь действительно можно было легко вставать, да вот незадача – даже длинные ноги Аркадия Петровича безвольно свисали, не достигая пола. Приходилось, как в детстве, чуть ли не спрыгивать с кресла. Надежда на приспособляемость таяла с каждым днём. К этому ни приспособиться, ни привыкнуть

перемещать по комнате. Сказано – сделано. Очередной поход в «Баухауз» и Аркадий Петрович становится счастливым обладателем роликовых опор. И работа закипела. Стыдно признаться, но эта небольшая работёнка – вкручивание шестнадцати шурупов, отняла последние силы и заняла у Аркадия Петровича почти полдня, а вторая половина ушла на реанимацию, после чего он отправился спать с чувством выполненного долга.

Утром их разбудил тревожный звонок. Аркадий Петрович медленно сел, пытаясь унять привычное головокружение, и, сунув ноги в холодные тапки, поплёлся к входным дверям под непрекращающиеся трели дверного звонка. В дверях стоял переминающийся с ноги на ногу грузный дядька, который сообщил, что они привезли заказанное кресло от фирмы «Бадер». После непродолжительной паузы Аркадий Петрович, преодолевая языковой барьер, твёрдым голосом объявил:

- Мы ничего подобного не заказывали. Это какая-то ошибка.
- Ну, как же. Вот, посмотрите, в документах ваша фамилия и ваш адрес, – уже не столь уверенно продолжал посыльный, не обращая ни малейшего внимания на отсутствие штанов на хозяине дома. Из-за его спины робко выглядывала Наталья Сергеевна, уже успевшая набросить халат.
- Даже не хочу смотреть. Это явное недоразумение. Нам уже кресло не нужно, – слегка проговорился Аркадий Петрович и продолжил: «Везите его, пожалуйста, обратно и покончим с этим». Как ни странно, посыльный молча развернулся, сел в машину и был таков.

Супруги растерянно посмотрели друг на друга...

Успокаивала лишь уверенность в собственной правоте. Ведь с момента их безответного обращения к каталогу «Бадер» прошло 5 месяцев.

Октябрь – ноябрь, 2021 год

Термальбад

28 лет тому назад мы переехали в Германию. Бывшие киевляне, пережив эмиграционный стресс, вскоре стали кёльнцами. Лишь незначительное созвучие роднит эти два слова. Жизнь изменилась кардинально, о чём я уже многократно писал, хотя это утверждение не требует доказательств. Но отличие оказалось настолько многогранным, что я вновь и вновь нахожу новые стороны, о которых хочется рассказать. В этом тексте речь пойдёт о знаменитом кёльнском бассейне с термальными минеральными водами. Это заведение официально называется термальный аква-комплекс «Claudius Therme Köln», что по-русски означает Термы Клавдия в Кёльне, а по-простому этот бассейн все называют термальбадом. Этим термином в дальнейшем будем пользоваться и мы.

Надо сказать, что мы с женой любители отдыха на воде. Поэтому представьте себе какова была наша радость, когда, знакомясь с окрестностями района, мы обнаружили буквально в трёхстах метрах от нашего дома, куда только-только вселились, небольшой бассейн. Фантазия разыгралась не на шутку. Мы представили себе, как в свободные от работы дни прямо с утра, даже не позавтракав, мы спешим окунуть свои разомлевшие после ночи тела в прохладные воды муниципального бассейна. Но не зря же говорят, если хочешь рассмешить Б-га, расскажи ему о своих планах. Вскоре стало ясно, что ни работы, а значит, нет и свободных от работы дней, ни бассейн возле дома нам не светят. Страна легко обходилась без нашей работоспособности, а бассейн и вовсе был сне-

сен по плану реконструкции района.

Прошло два года. Мы окончательно примирились с тотальной не востребоваанностью и по зову невнятных намёков стареющего организма предали любимому занятию пожилых эмигрантов — хождению по докторам. В конце концов одна из врачей по доброте душевной выписала мне направление (чаще называемое — рецепт) на 6 сеансов гимнастики в воде в том самом термальбаде, о котором шла речь выше. Далее каждому получившему подобное направление следовало обратиться в свою больничную кассу (в моём случае это АОК), где должны подтвердить, что перенимают все расходы за назначенные процедуры. Это, разумеется, пустая формальность. Зато чиновники при деле. Попутно замечу, что чиновник в Германии — это священная корова. Но это к слову. Теперь счастливый обладатель рецепта и разрешения от больничной кассы отправляется уже в секретариат бассейна для получения даты и времени на назначенные сеансы. Я предпочитаю посещать термальбад один раз в неделю, поскольку полученного заряда бодрости мне хватает на несколько дней. Всякий раз эмоции бьют ключом.

Разделяю восторги литейщика Козырева из стихотворения В. Маяковского (уж таково свойство моей ассоциативной памяти) по поводу вселения в новую квартиру, где впервые в жизни он смог насладиться купанием в ванной:

Придёшь усталый, вешаться хочется.

Ни щи не радуют, ни чая клокотанье.

А чайкой поплещешься — и мёртвый расхохочется от этого плещущего щекотания.

Здесь я вынужден приостановить выплескивающиеся из меня эмоции, чтобы добраться до исторических глубин минеральных источников, питающих лечебные воды термальбада.

Более двух тысяч лет тому назад большая часть современной Европы была занята римскими легионами. Римляне беспрепятственно разгуливали, в том числе и по обеим сторонам Нижнего Рейна, где в те времена проживало древнегерманское племя убиев. Центром их территории

стал район будущего Кёльна, расположенный на левом берегу Рейна. В 38 году до н. э. полководцем Марком Агриппой был основан оппид Убиорум (город убиев), который пробившись сквозь толщу веков превратился в современный Кёльн. Здесь-то любознательные легионеры и натолкнулись на бьющие из-под земли горячие минеральные источники, где они могли с превеликим удовольствием и пользой омыwać свои натруженные в дальних походах ноги.

Слух об этом докатился до Рима, которым в середине I века новой эры правил страдающий от ревматизма император Тиберий Клавдий. Приближенные к его императорскому величеству эскулапы утверждали, что единственным спасением для него могут быть горячие минеральные ванны. И тогда заботливые воины войска римского в попытке облегчить мучения своего императора, приостановив свой наступательный пыл, предались новой страсти — стали бурить скважины в самом центре оппиды. Проходили века, но подсказка римлян почему-то не работала. Лишь спустя почти две тысячи лет, возникла идея создания в Кёльне современного СПА-комплекса, то бишь бассейна с термальными водами, получившего своё название «Claudius Therme» (Термы

Клавдия) по имени первого пациента.

В 1933 году по распоряжению обер-бургомистра Кёльна Конрада Аденауэра были пробурены две скважины на территории Кёльнской торговой ярмарки (Kölnmesse). Лечебная минеральная вода стала общедоступной. Но вскоре к власти пришли фашисты, и завершающие работы были прекращены.

Лишь в 1957 году к открытию Федеральной садоводческой выставки в парке над Рейном был сооружён фонтан с минеральной водой, источником которой были те самые две скважины. 29 октября 1994 года (словно ждали нашего приезда в Германию) был заложен первый камень в фундамент будущего термальбада. Его строительство обошлось городской казне в 30 миллионов ДМ.

6 января 1996 года состоялось торжественное открытие Терм Клавдия, считающимся лучшим бассейном с минеральными водами в Европе. Так в самом центре Кёльна появился райский уголок площадью более 12 000 квадратных метров (такой уж случился немаленький уголок). Здесь даже самые требовательные любители водных процедур смогут найти, чем порадовать свои тела и души. Учёные, проведя тщательные исследования воды из скважин, пришли к выводу, что она содержит оптимальную концентрацию кальция, магния, калия, натрия, железа и радона. Эта чистая природная вода, выкачиваемая из недр земли с глубины 1027 метров, идеально подходит как для купания, так и для питьевого лечения. Медики утверждают, что эта термальная вода оказывает целебное

воздействие на сердце, кровообращение, суставы и кишечник. Купание в термальных ваннах при температуре воды от 33° С до 37° С доставляет райское

наслаждение, в чём я неоднократно смог убедиться на собственном опыте.

На территории комплекса, кроме крытого и открытого бассейнов, расположены уютные джакузи, многочисленные сауны и бани и даже большая круглая ванна с водой Мёртвого моря, где можно, лежа буквально на поверхности морской глади, релаксировать под умиротворяющую тихую музыку. Гостям также предлагаются массажные струи, водопады, пузырьковые кровати, водяная карусель на открытом воздухе и удобные шезлонги для принятия солнечных ванн. И, наконец, последнее из общих информационных сведений, что я считаю необходимым довести до желающих посетить этот оазис наслаждений, это возможность утолить голод, не выходя за пределы бассейна. Здесь работают два уютных ресторана с видовыми террасами, позволяющими любоваться Рейном и левобережным Кёльном. При этом количество одежды на вас может быть минимизировано до крайности.

Теперь с чувством выполненного долга я могу приступить к описанию моего рядового посещения термальбада. Обычно я приезжаю за полчаса до назначенного сеанса гимнастики в воде. В вестибюле в большой декоративной вазе всегда стоят свежие цветы. Сегодня меня ждал сюрприз – огромный букет подсолнухов. Ну, чистый Ван Гог. Почему-то, глядя на эти солнечные цветы, у меня в душе всегда расцветала тихая радость.

Насладившись живым импрессионизмом (Что такое? Даже сюда пробрался сионизм?), поднимаюсь этажом выше, где предъявив свой пропуск с сегодняшней датой,

получаю взамен электронный ключ от шкафчика. Кстати, когда после вынужденного почти годичного перерыва, связанного с пандемией коронавируса, термальбад вновь открыл свои гостеприимные двери, можно было наблюдать совершенно удивительную картину — весь лестничный пролёт занимала очередь из желающих войти.

Получив ключ, занимаю свободную кабину, переодеваюсь и отправляюсь в душевую. По правилам норм гигиены перед тем как окунуться в оздоровительные ёмкости каждый должен тщательно помыться под душем. Но очевидно эти нормы обязательны не для всех. Так я был свидетелем, когда в бурлящее джакузи, где уже сидели

6 человек, вошла относительно молодая дама, одетая с головы до ног в нечто чёрное. Какая уж тут гигиена! На замечание находящихся там — никакой реакции. Четверо вынужденно покинули kloкочущую купель, провожаемые кривой улыбкой дамы в чёрном. Однако — всё по порядку. Из душевой я первым делом устремляюсь к здоровенному керамическому корыту, наружные стенки которого покрыты натуральной ржавчиной. И неудивительно. Это самое корыто, в хорошем смысле этого слова, питается нефилтрованной водой, содержащей железо,

что приводит к максимальному терапевтическому эффекту особенно для пациентов, таких как я, с ревматическими заболеваниями. В обычные времена в этой ёмкости могли одновременно находиться не более 8 человек. А во время пандемии число счастливиц сократилось до двух, о чём строжайшим образом предупреждает висящая информационная табличка. В тот период администрация бассейна повесила великое множество подобных табличек. Но одна поразила моё воображение.

В переводе на русский это означает: «Этот бассейн может использоваться максимум 1 гостем или 1 парой». То-есть больше одного гостя — нельзя, половина гостя — с превеликим удовольствием.

Лёжа в этой купели с тёплой минеральной водой можно наслаждаться не только видом цветущего сада за стеклянной стеной бассейна, но и проходящими мимо обнажёнными прелестными фигурами молоденьких женщин (Жаль, что мимо... А то что? Вот именно). И всё же подобная моя заинтересованность, пусть и визуальная, говорит, что жизнь ещё теплится и, «если меня прислонить к тёплой стенке, то...» и далее по тексту. Большинство же посетителей термальбада — пожилые люди, такие как я сам, давно перевалившие за среднестатистическую черту продолжительности жизни. Чем же тут любоваться? Выглядят они, прямо скажем, неважно, а порой (да простит меня Всевышний) и вовсе отвратительно.

Если остаётся время до гимнастики, я перехожу в джакузи. Эту процедуру я рассматриваю, используя молодёжный сленг, как клёвую кайфовую расслабуху (извините,

больше не буду). Тугие струи обрабатывают разомлевшее тело со всех сторон. Лежишь, ни о чём не думаешь. Главное — вовремя переместиться в так называемый терапевтический бассейн, где и будет проводиться групповая гимнастика. Бассейн размером 8x8 метров имеет на внутреннем периметре хромированную трубу, за которую в случае необходимости можно держаться. Обычно одновременно занимаются 5 человек. Мы болтаемся в воде бассейна, а наш инструктор (физиотерапевт) руководит процессом с бортика. Упражнения вроде бы несложные и не очень тяжёлые, но за эти 15-20 минут всё-таки наваливается лёгкая усталость. Любопытно, что группы комплектуются так, что 2-3 человека обязательно — русскоговорящие. То ли это «происки» сотрудников секретариата термальбада, то ли плотность болеющих среди нашего контингента существенно выше, чем плотность немцев. Ну, не буду углубляться в эту мало исследованную тему, лишь поведаю о примечательном, на мой взгляд, эпизоде, который произошёл во время этих групповых занятий.

Я обычно устраиваюсь в углу этой большой лохани. Неожиданно между мной и стенкой втискивается мелкокалиберная дама. На моё недоумение она пытается что-то говорить по-немецки. Заподозрив в ней представительницу нашей диаспоры, предлагаю перейти на русский язык. Она сбивчиво объясняет, что ей нужно держаться, потому что её сносит. Если бы я знал, что с этим словом мне ещё придётся столкнуться, возможно, я не был бы столь куртуазным. Однако я безропотно уступил ей свой любимый уголок. Дама вцепилась мёртвой хваткой в блестящий поручень. Физиотерапевт увидел, что дама не в состоянии расстаться с трубой. Он, понимая, что это равносильно расставанию с жизнью, предложил ей под ноги ещё и пластмассовый ящик. Казалось бы инцидент был исчерпан, но не тут-то было. После завершения групповых занятий на выходе из бассейна я почувствовал знакомое сошение за спиной.

– Извините, как на немецком сказать – меня сносит?

– Я не понял. Что Вы сказали? Сносит? – почувствовав

- неладное, я попытался обратить всё в шутку.
- Да-да! Именно – сносит, – с маниакальным упорством мямлит дама.
 - Помилуйте, как и куда Вас может сносить? Здесь нет течения, это даже не джакузи, – вяло пытаюсь отбиться я.
 - Послушайте, я просто спросила Вас, как сказать – меня сносит, – не скрывая нарастающую агрессию, произносит она.
 - Погодите – погодите! Этот бред, что Вас сносит, я должен сказать тренеру? Но он и так понял, что это не о Вас сказано: море по колено, а по пояс океан. Вот он и возвёл под Вами временный фундамент. Несносная, Вы моя, – не удержался я от напрашивающегося каламбура.
 - Ладно, с вами всё ясно. Значит вы тоже не знаете немецкого. Выслушав приговор, я решил не подавать апелляции и поспешил ретироваться.

После гимнастики обычно я перехожу в открытый бассейн, где находится моя любимая процедура – массажный водопад. Под сильным напором (устоять удаётся с трудом) на плечи и спину обрушивается плотная струя воды, напоминающая по форме водопад. На мой взгляд этот вид массажа может дать фору самому искусному массажисту. Спустя 5 минут, мой размятый организм отправляется в плавание. Плавание на свежем воздухе доставляет особое удовольствие. Когда я плыву на спине, я вижу проплывающие надо мной разноцветные кабины подвесной дороги, пассажиры которой разглядывают с нескрываемым любопытством наши барахтающиеся в воде тела.

Выйдя из наружного бассейна, я спешу к питьевому фонтанчику, чтобы утолить жажду. Термальная хлорид-натриевая вода течёт круглосуточно. Тут же установлен трубчатый контейнер для бумажных стаканчиков. К вкусу этой целебной воды нужно привыкнуть, но мне она даже нравится, возможно потому что она благотворно влияет на работу моего кишечно-желудочного тракта, измученного повышенной кислотностью. Поглядывая

на настенные часы, которые висят повсюду, я перехожу к предпоследней процедуре. Согласно рецепту моё пребывание в бассейне ограничено двумя часами. Но времени осталось ещё достаточно.

И вот я уже блаженствую в так называемом горячем гроте, на сапфировом потолке которого расположились по кругу расписанные золотом двенадцать знаков зодиака. Лежишь себе в тёплой минеральной воде (температура 36° С), а из стен бассейна на тебя направлены упругие массажные струи. Для любителей острых ощущений здесь же установлена купель, в которой поддерживается температура воды до 20° С. Это наверняка очень бодрит. Но меня взбадривает куда больше, если я наблюдаю это со стороны. А сейчас я уже вынужден поторапливаться к своей последней процедуре. Речь пойдёт о системе купелей Кнейппа для ног и рук. Немецкий католический священник Себастьян Кнейпп ещё в XIX веке разработал свою оздоровительную систему водолечения. Он писал: «В воде спасение; это самое простое, дешёвое и — при правильном применении — самое безопасное средство». Гидротерапия по Кнейппу заключается в многократном чередовании окунания ног и рук в горячей и холодной воде. Эта процедура особенно эффективна для пациентов, страдающих заболеваниями опорно-двигательного аппарата. Как говорится, то, что доктор прописал.

Вот и завершился мой сегодняшний цикл в термальбаде. Осталось только принять душ и, испытывая волшебную лёгкость в теле и мыслях, отправиться домой. Но как раз именно сегодня со мной здесь, в душевой, произошёл ещё один забавный эпизод.

Я стоял в своём отсеке, никого не трогая, и смывал возможные минеральные отложения со своего брэнного тела. В соседней кабине, отделённой от меня перегородкой из матового стекла, мылся некто. Да, нужно сказать, что вода из душа обычно льётся около 30 секунд, а чтобы вновь вызвать струю, нужно опять нажать пусковую кнопку. Так вот я стою, наслаждаясь хорошо отрегулированным дождиком, как вдруг вижу, что из соседней

кабины ко мне тянется рука. Я нервно вздрогнул, подумав, а не домогательство ли это? Но голос соседа меня успокоил: «Извините, мне только руку сполоснуть. Не хотелось снова включать душ». Так в практической жизни выглядит немецкая бережливость. Экономика должна быть экономной.

Июль, 2022 год

Рэська
печальная история

Пудель – это еще не человек,
но уже и не собака.

Пролог

Уже в первых строчках пролога я должна попросить вас, мой дорогой читатель, примириться с тем, что автором этой печальной истории является собака. Правда, собака не простая, а очень даже породистая. Так вот, дорогие мои, представьте себе, что многие из нас не только способны понимать человеческую речь, но и, при необходимости, могут состряпанные нами тексты телепатически доносить до вас в доступной форме. Пожалуйста, не удивляйтесь и уж тем более не очень возбуждайтесь по этому поводу. Мы убеждены, что телепатия как раз и является главным способом общения между нашими видами. Вот вам в качестве доказательства простой пример. Вы, конечно же, обращали внимание на то, что собака всё время старается заглядывать в глаза своему хозяину, чтобы не пропустить его даже малейшее пожелание. Это ли не ярчайший образец беспроводной передачи мысли на расстоянии.

Но человек упорно продолжает ошибочно считать, что нам нужно одно и тоже повторять по десять раз. Ну, не смешно ли? Мы действительно иногда не сразу готовы исполнять его прихоть или желание, но это происходит лишь потому, что нам нужно слегка подумать, оценить, а затем уже решить, есть ли в этих просьбах и пожеланиях хоть какой-то смысл. Мы, собаки, охотно позволяем заниматься с нами так называемой дрессировкой. Не проще ли просто объяснить нам, что да как. Странные люди.... Впрочем, чем бы дитя ни тешилась.... Ну, да ладно. Просто хотелось бы, чтобы люди помнили, что мы не только братья ваши меньшие, но и являемся братьями вашими, не побоюсь этого слова, по разуму.

Мы хотели бы, чтобы наши отношения с человеком строились на полном доверии и взаимном обожании. Не даром считается, что собаки, хотя и сукины дети, являются самыми лучшими и верными друзьями человека. Со-

бака никогда не изменит и не предаст своего друга-хозяина. Мы знаем, как в одно мгновение снять с вас усталость или стресс – достаточно просто лизнуть вам нос. Ведь собака в добром здравии – это постоянно действующий гормон радости.

Мы тихо посапывали, уютно прижавшись друг к другу. Сытно урчали животы, и сладкая дрема застилала глаза. Тот период жизни оставил в моей памяти лишь упругие материнские соски, манящие своими ни с чем не сравнимыми возможностями. Вдоволь насосавшись сладким молочком, мы сразу же затевали беспорядочную возню, сопровождая её радостным урчанием. Правда, я ещё припоминаю, что иногда в дом приходили какие-то совершенно незнакомые люди, брали в руки по очереди каждого из нас, (поначалу нас было шестеро), внимательно рассматривали, весело что-то обсуждая, и с нарочитой осторожностью возвращали на место. Однако после подобных посещений я стала обращать внимание, что нас становится всё меньше и меньше.

И вот однажды, когда нас уже оставалось лишь трое, в комнату вошёл мрачного вида сутулый мужчина, с одутловатым серого оттенка лицом и полуоткрытым ртом, обрамлённым припухшими губами, смахивающими на насосавшихся пиявок. Он подошёл в сопровождении хозяйки дома к нашему лежбищу и безмолвно навис над ним. Его мало приятная внешность, а может быть исходящий от него специфический запах, произвели на меня настолько сильное впечатление, что я выползла из нашего логова и стала обнюхивать его башмаки. Это, как показали последующие события, и решило мою судьбу. Между хозяйкой и гостем произошёл короткий разговор.

- Похоже, он меня выбрал сам, – с улыбкой сказал хмурый незнакомец.
 - Но это же не он, а она, – с тревогой произнесла хозяйка, – у нас, к сожалению, остались только девочки.
 - Вот и хорошо. Значит, так тому и быть. Берём девицу.
- Я тогда ещё с трудом понимала человеческую речь, но

всё же мне удалось кое в чём разобраться. Итак, я щенок женского пола (называемый отвратительным словом – сука) собачьего рода и отношусь к породе средних пуделей, которых отличает незаурядный интеллект и особая сообразительность, в чём позднее я смогла неоднократно убедиться. Хозяйка передала Незнакомцу родословную, подтверждающую моё благородное происхождение, а он в ответ вручил ей изрядную по тем временам сумму денег. Эта процедура наполнила меня непередаваемым чувством собственной значимости. Я даже тявкнуть не успела, как Незнакомец бережно уложил меня в мягкую спортивную сумку и, распростившись с уже моей бывшей хозяйкой, был таков.

Могла ли я тогда предположить, что появление этого человека так круто изменит всю мою дальнейшую жизнь. Дорога к моему новому месту жительства оказалось довольно продолжительной и, как мне показалось, даже утомительной, хотя всё это время я пролежала, уютно свернувшись калачиком, в мягкой сумке на коленях Незнакомца. Сказать по правде, я нервничала перед неизвестностью. Но то, как меня там встретили, развеяло все мои тревоги. Семья, куда меня принесли, состояла из четырёх человек. Бабушка, Папа, Мама и девочка – их дочка Ирочка.

Прежде чем продолжить своё повествование, я хотя бы вкратце расскажу об этих замечательных людях. Прошу не удивляться моему слогу, просто помните, о таких, как я, было сказано: «незаурядный интеллект и особая сообразительность».

Бабушка обычно сидела за столом у балконной двери и что-то печатала на портативной пишущей машинке. Эта почтенная дама невысокого роста и плотного телосложения, благодаря своей располагающей внешности, излучала удивительный свет и скромное обаяние. Поверх будничной одежды Бабушка носила красный фартук, позволяющий быстро переключаться на кухонную деятельность, где, поверьте мне, ей не было равных. Папа и Мама целый день пропадали на работе. Папа – мужчина сред-

них лет, высокого роста с уже наметившейся лёгкой сутулостью. В его внешности было что-то от хищной птицы. Орлиный нос, сурово сомкнутые брови и продолговатый череп, не обременённый уже к этому времени, как в прежние годы, буйной рыжей растительностью. Зато его обезоруживающая улыбка мгновенно разрушала первое негативное впечатление, обнажая свою позитивную сущность. Чтобы охарактеризовать Маму много слов не понадобится. Высокая красавица с лучистыми глазами, смотрящими на мир открыто и доверчиво, всегда готовая подставить свои крепкие руки любому, кто в этом в данный момент нуждается. Но главным действующим лицом с первых же дней стала для меня Ирочка. Эта худенькая пятнадцатилетняя

девчонка с нежными руками и ласковой подкупающей улыбкой на прелестном лице сразу очаровала меня.

По утрам, когда она собиралась в школу, я старалась вести себя так, чтобы почаще попадаться ей на глаза в надежде на взаимность. И не было случая, чтобы она, невзирая на понятную спешку, не погладила бы меня, произнося при этом что-нибудь приятно-ласковое.

Часто я подолгу лежала под дверью, ожидая её прихода из школы. Мне всегда удавалось безошибочно распознавать её шаги, чтобы выразить радость встречи всем своим собачьим ликованием. Она была для меня самым главным персонажем в этой семье.

Довольно быстро мне дали понять, что я вполне могу себя ощущать полноправным пятым почти равноправным членом этого семейства. После того, как с удивительной нежностью все по очереди вдоволь перетискали меня, Ирочка, которую я сразу же определила, как свою хозяйку, налила мне в блюдечко тёплого молока, показала моё спальное место и непонятого назначения корытце с песком.

Незнакомец, принесший меня в этот дом, оказался сослуживцем Папы, и звали его Лёней. Он был квалифицированным фрезеровщиком и владельцем такого же пуделя, а по совместительству опытным собачьим цирюльником. Уходя, он заверил, что при необходимости будет помогать в моём становлении, а главное – пообещал раз в три месяца, как положено, меня стричь, поддерживая тем самым мою и без того неземную красоту. Пока я обследовала новую территорию. Ирочка ходила за мной хвостиком, весело реагируя на мою косолапость и неуклюжесть. Квартира мне показалась большой, и в какой-то момент, почувствовав лёгкую усталость, я решила присесть, а заодно и пописать. Это вызвало у Ирочки неожиданную реакцию. Засмеявшись, она подхватила меня и принесла к корытцу с песком, объяснив, что дома писать (и не только) нужно именно здесь. Этого, при моём незаурядном интеллекте (вы помните), было достаточно, чтобы впредь свои естественные нужды я справляла только в отведенном месте. Но, должна признаться, что всё-таки бывали случаи, когда, заигравшись, мне не удавалось удержаться. Такие моменты меня очень огорчали, и я старалась куда-нибудь спрятаться, наблюдая, как Ирочка убирает за мной. Мне было стыдно и обидно одновременно. Стыдно – оттого, что оскандалилась, а обидно – потому что всякий раз после этого Ирочка тащила меня к ко-

рытцу, сердито приговаривая: «Делать это нужно только здесь, только здесь, только здесь». Можно подумать, что я об этом забыла. Да ещё столько раз повторять. Я и так всё прекрасно помнила. Обидно... Однако с тех пор такие эпизоды со мной случались всё реже и реже.

Нужно сказать, что я очень быстро научилась понимать их незамысловатую речь (вы, конечно, помните – незаурядный интеллект), постоянно удивляясь, почему, обладая таким богатым и могучим русским языком, они при общении со мной обходятся резкими короткими фразами, а то и вовсе одиночными словами – типа «гулять, сидеть, кушать». Но это никогда не мешало нашему взаимопониманию, тем более, что я тоже была немногословна, легко высказывая все свои желания и эмоции телепатически, помогая при необходимости языком тела, негромким лаем, тоскливым скулежом или весёлым повизгиванием. В результате мы без труда понимали друг друга. Особенно просто стало, когда пришли к консенсусу (это красивое слово я впервые услышала от Папы) по поводу моего имени. Я не оговорила, именно имени, а не клички (вот пошли и каламбуры, спасибо Папе). Я категорически против слова «кличка». В нём слышится что-то презрительное и даже криминальное. Оказалось, что просто так породистую собаку назвать нельзя. Существуют определённые правила. В моей родословной было записано имя, если я правильно помню, состоящее из трёх слов, в которых были зашифрованы имена моих родителей, название питомника и даже код помёта. Таким именем, разумеется, пользоваться было абсолютно невозможно. Но что-то из этих трёх слов нужно было обязательно использовать. В результате меня нарекли тоже довольно мудро – Рэйси. А в обиходе стали называть легкомысленным именем Рэська. Поначалу меня это даже обижало, но все (особенно Ирочка) произносили его с такой любовью и нежностью, что постепенно я перестала сердиться и, в конце концов, привыкла.

Все члены этого милого семейства занимались моим воспитанием, черпая необходимую информацию в

специальной литературе. Основные моменты чаще всего зачитывались вслух, что позволило и мне выяснить о себе много интересного. Так я, повизгивая от растущего самомнения, узнала, что пудели, обладая незаурядным умом, являются ещё и воплощением красоты и экстравагантной декоративности. Ух! Я тут же бросилась к зеркалу,

чтобы убедиться в правдивости этих слов.

На меня глядело кудрявое чёрное существо, поигрывая обрубок хвостика. Изящная вытянутая мордочка с миндалевидными цвета асфальта глазами, сверкающими дьявольским синим отливом, заканчивалась чёрным бархатным носиком. С чувством законной гордости я воочию убедилась,

что книги не врут. Я действительно была чертовски хороша. Из этих же книжек мои новые владельцы также обнаружили, что пудель – одна из самых добрых и послушных собак. Это я с радостью демонстрировала на протяжении всех отпущенных мне лет.

Довольно быстро я стала обладательницей ряда необходимых для собачьего быта галантерейных изделий.

У меня появился кожаный поводок с красивым ошейником, инкрустированным блестящими металлическими пластинками. А подруга Мама присылать каждый

год из Америки замечательный антиблошиный ошейник, который буквально за пару дней избавлял меня от непрошенных и таких назойливых гостей. Кроме того, Мама купила мне на собачьем рынке металлический гребень, напоминающий маленькие грабли, и массажную щётку для

вычёсывания моей густой кудрявой шерсти. Ирочка вычитала, что расчесывать собаку желательно ежедневно. После каждого такого расчёсывания и особенно после стрижки Мама собирала шерсть для различных бытовых нужд, что давало мне дополнительную возможность убедиться в моей полезности. Однажды я обнаружила мою шерсть, завернутую в лоскут тонкой марли, на Папиной поясице, как самое эффективное средство от радикулита.

Постепенно моя жизнь нормализовалась, утратив свой слегка сумбурный характер. Перво-наперво пригревшая меня семья, быстро убедившись в моём отменном аппетите, позаботилась о правильном режиме питания. Моё меню всегда отличалось большим разнообразием, невзирая на весьма скудный ассортимент еды у моих владельцев, что, конечно же, не могло от меня укрыться. В первые месяцы меня кормили 4 раза в день, а со временем по мере моего взросления, перевели на двухразовое питание, разумеется, не в ущерб мне. Ответственной за мою

кормёжку была назначена Бабушка. В обязательный рацион входили любое нежирное мясо или субпродукты в жаренном или сыром виде, различные каши и творог. В четверг, как и у всех, у меня был рыбный день. В ход шла любая морская рыба. Тогда особенной популярностью пользовался хек. Зачастую, откушав отмеренную мне порцию, я по наивности продолжала стоять над мисочкой, а иногда даже с несвойственной мне наглостью постукивала по её краю, с мольбой поглядывая на сидящую рядом с папиросой в руках Бабушку, в надежде на её снисходительность. Но не тут-то было. Изначально установленные Папой и Ирочкой строгие правила не могли быть нарушены. На сладкое было наложено строжайшее табу, поэтому неожиданно для всех моим любимым десертом стала отварная свёкла.

Важнейшей частью моего режима стали многообразные ежедневные прогулки. Они позволяли совмещать приятное с полезным – отправлять естественные надобности и бегать, сломя голову, за брошенной мне палочкой или резиновой игрушкой. Впрочем, вскоре я убедилась, что оба действия и приятны, и полезны. Но особое удовольствие мне доставляла возможность вывалиться в чём-нибудь вонючем – тухлятине или дерьме. Так сладко, задрвав лапы вверх, извиваться всем телом, впитывая в себя эти манящие запахи. Увидев эти мои забавы, Папа, Мама, и Ирочка со всех ног бросались ко мне с криками: «Фу! Ко мне! Фу!». И только Бабушка с досадой и сожалением наблюдала за мной, не имея сил добежать до места преступления. Меня всегда удивляла их острая реакция на эти мои мелкие пристрастия. При этом я прекрасно понимала, что своими несанкционированными действиями я очень огорчаю своих хозяев. Но поймите меня правильно, не могла же я перестать повиноваться зову предков и нашим древним инстинктам. Всякий раз после этого меня ожидали серьёзные гигиенические процедуры...

Поначалу меня выгуливали до четырёх раз в день. Утром, днём и вечером. Мой врождённый аристократизм и свойственная ему деликатность не позволяли никого по

утрам рано будить. Я научилась терпеть. Отвлекающим моментом всегда был ожидаемый завтрак. Пока я его заглатывала, кто-то уже успевал одеться, и мы выходили (точнее выскакивали) на улицу. Отработав обязательную программу, я с облегчением переходила к программе произвольной. Повизгивая от радости, я бросалась за брошенной мне палочкой и с гордо поднятой головой возвращала её к ногам бросающего, дрожа всем телом от нетерпения, в ожидании следующего броска. Это занятие мне никогда не надоедало. Днём после возвращения из школы со мной выходила Ирочка. Прогулки с ней всегда были долгожданными и самыми любимыми. Но, к сожалению, она часто болела и подолгу куда-то исчезала. В такие дни в доме воцарялась гнетущая атмосфера. Мама в разговорах с Папой и Бабушкой даже не скрывала слёз. Я не понимала, что происходит, пытаюсь, как могла, испытанными приёмами улучшать общее настроение. Но мне стало это удаваться далеко не всегда.

После каждой прогулки меня заводили в ванную комнату, где тщательно вытирали лапы и живот. Я понимала необходимость этой процедуры, но почему-то относилась к ней без особого удовольствия, а в сухую погоду, признаюсь, даже старалась от этого увильнуть. По правде говоря, ванная комната у меня вызывала лишь отрицательные эмоции. Не реже чем раз в месяц мне устраивали банный день. Я это мокрое дело особенно не любила, хотя экзекуцию надо мной производили горячо любимые Мама и Ирочка. Да и что плохого может быть в приятной тёплой воде и душистом собачьем шампуне. Но однажды, когда меня только-только вынули из воды, я увидела себя в зеркале... Какое это было жалкое зрелище! Благо меня сразу же заворачивали в мохнатое махровое полотенце, а затем ещё и сушили, как рекомендовал Лёня, тёплой воздушной струёй от фена. Всё это я рассматривала, как покушение на мою свободу. Однако приходилось терпеть. Зато после этого моя шерсть, сверкая чёрным шёлком, становилась пушистой и ароматной.

Обычно вечером, придя с работы, со мной на прогулку

выходил Папа. Часто нам компанию составляла моя подружка Туся, тоже чёрная пуделиха, на противоположном конце поводка которой находилась её хозяйка – милая молодая женщина, которая, как мне казалось, нравилась не только мне. Пока Папа и Наташа, а именно так её и звали, вели свои душевные беседы, мы с Тусей носились вокруг них, щедро растрчивая накопившуюся за день энергию. Частенько вечерняя прогулка затягивалась надолго, и я, возвращаясь домой, уже с трудом переставляла лапы.

По прошествии небольшого времени процесс вычёсывания стал настолько затруднительным, что даже Папа порой с трудом справлялся с этим. Моя густая вьющаяся шерсть стала серьёзным препятствием также для расчёски и щётки. Пришлось в срочном порядке вызывать парикмахера Лёню. Он не заставлял себя долго упрашивать и являлся по первому зову. Я не успевала оглянуться, как комната Ирочки превращалась в настоящую операционную. На стол стелили цветную клеёнку, на которую Лёня выкладывал свой пугающий инструмент. Глядя на эти приготовления, что-то мне подсказывало – надо делать ноги. Я забиралась под кушетку и ожидала неприятностей. Лёня с мрачным видом надевал свой серый халат, закатывал рукава, настойчиво вызывая меня из укрытия. Я делала вид, что меня там нет, ну совсем нет. Но в ситуацию неожиданно вмешивалась моя любимая девочка. И я, демонстрируя фальшивую покорность, выползла наружу и, дрожа от страха, давала поставить себя на импровизированный операционный стол. Лёня включал нечто устрашающе жужжащее и начинал водить этим по моей спине. И всё было бы терпимо, если бы это нечто периодически не выдёргивало из меня клочья драгоценной шерсти. Папа, проявляя свойственную ему твёрдость, умело удерживал меня, Ирочка, как могла, успокаивала, а Лёня, обливаясь потом, всё стриг и стриг. Вскоре стол и пол вокруг него покрывался моей тонкорунной шерстью. Лёня откладывал своё нечто и, пощёлкивая ножницами, приступал к завершающей фазе – филировке. Наконец, всё завершилось. Ирочка с радостным криком: «Какая

красота!» подносила к моему носу зеркало и предлагала полюбоваться. Признаюсь, я бывала поражена. На меня глядело невероятной красоты коротко стриженое существо, стоящее на подрагивающих ногах, одетых в махровые шерстяные шаровары.

По бокам гладко выстриженной физиономии свисали пышные уши, а голову венчала пушистая волосяная шапочка. Завершающим штрихом мастера был шарообразный помпон на обрубке моего жалкого хвостика. Я смотрела на себя и не могла наглядеться. Мне очень хотелось, чтобы поскорее приходило время вечерней прогулки, где я могла бы покрасоваться перед своей подружкой Тусей.

Так получалось, что за три-четыре месяца я вновь обрастала до неприличия, и тогда в срочном порядке снова и снова приглашался Лёня. Это происходило до тех пор, пока Папа не освоил эту смежную для себя профессию, сдав с первого раза Лёне экзамен на профессиональную пригодность. Но это случилось значительно позже. Когда же мне исполнился год, на семейном совете было принято решение – вывести меня в свет, представив на собачьей выставке в категории юниоров. Эти собачьи дефиле в те времена проходили на стадионе «Динамо». Как же там было весело! Сколько возможностей для обнюхивания! Какое множество непредвиденных знакомств! Но не подумайте, будто это была просто очередная увеселительная прогулка. Всё было всерьёз и по-взрослому. Важно было, чтобы мой экстерьер (до чего же колючее слово)

соответствовал установленным критериям породы и возраста. А это означало, что вес не должен был превышать 10 килограмм, а рост – 40 сантиметров. Кроме того, шерсть должна быть чистой, пушистой и сверкающей, что и было обеспечено выставочной стрижкой. У меня было ощущение настоящего праздника. С присущей мне скромностью я совершенно спокойно отнеслась к тому, что в результате не оказалась среди победителей. Мне вполне хватало Ирочкиной любви и поощрительных вкусняшек из её рук. Однако, в конце концов, меня наградили какой-то цветной бумагой, называемой грамотой, вручив её под аплодисменты Ирочке. Эта грамота ещё долго висела в её комнате.

Красота красотой, но я вам ещё не рассказала об особенностях своего характера. Должна признаться без ложной скромности, таких, как я, нужно было ещё поискать. Мою покладистость можно сравнить только с моей доброжелательностью. Я готова была понять и стерпеть любые изменения настроения в семье, даже любые неблагоприятные хозяйские поступки. Бывало, меня оставляли одну-одиношеньку в совершенно пустой квартире. Что только не лезло в голову. Лучше не вспоминать. Но лишь раздавался едва уловимый скрип ключа в замке входной двери, как я, забыв все обиды, бросалась навстречу входящим, повизгивая от радости, в попытке облизать их всех вместе и каждого в отдельности. Не давая вошедшим прийти в себя, я мчалась за своей любимой резиновой игрушкой, предлагая им подключиться к моему ликованию. Бывало, эти приступы восторга заканчивались конфузом. Приходилось кому-то вытирать за мной невинные брызги счастья. Да, не всегда мне удавалось сдерживаться, даже невзирая на мою сообразительность и высокий интеллект, о чём (надеюсь, вы не забыли) я неоднократно упоминала. Кстати об интеллекте. Уже в первые два-три месяца Ирочка, моя любимая хозяйшечка, научила меня послушно выполнять множество жизненно необходимых команд и несколько забавных трюков. Однако к чести моей будь сказано, проделывала я всё это охотно и совершенно бес-

корыстно. Правда, иногда я со сдержанным достоинством принимала честно заработанные вкусняшки. Само собой только в виде большого одолжения.

Моя беззаботная жизнь всё чаще и чаще омрачалась плохим самочувствием Ирочки, моей дорогой девочки. Болезнь даже вынуждала её пропускать школу. Меня, конечно, радовало, что она оставалась дома, но огорчало, при этом, что в такие дни на дневную прогулку меня выводила Бабушка, с которой, как вы понимаете, особенно не порезвишься. Даже дома Ирочка стала возиться со мной значительно меньше. То и дело, осенние свинцовые тучи стали посещать наш дом. Порой мне забывали подлить в миску водички, а однажды даже вывели погулять, не покормив. Я понимала, что происходит что-то очень плохое с моей девочкой, но степень этого мне стала ясна значительно позже. Взрослые вели тревожные разговоры, в которых часто повторялись совершенно незнакомые мне пугающие слова: рак, опухоль, химиотерапия. Мрачную мокрую осень сменила холодная сырая зима. Ирочка стала надолго исчезать из дома. Больницы сменяли одна другую. Я не находила себе места, стараясь не путаться под ногами. Мне не всегда удавалось скрывать свои переживания – выдавали едва сдерживаемый мой предательский скулёж и до крови расчёсанные на нервной почве проплешины на теле.

Однажды квартира заполнилась большим количеством людей. Несмотря на март в окна пробивалось яркое зимнее солнце. Ирочка, пугающая своей неподвижностью, лежала вся в цветах, но не на своей кушетке, а на оборудованном кем-то помосте. Многие плакали. Даже Папа. На Бабушку и Маму страшно было смотреть. Люди шли и шли. Мне ещё никогда не приходилось видеть такого количества людей в одном месте одновременно. Вдруг все зашевелились и потянулись к выходу. Несколько крепких мужчин подхватили на руки обтянутый красной тканью помост, на котором лежала моя девочка, и вынесли его из квартиры. Я выскочила на балкон как раз в тот момент, когда они выходили из парадной. Перед домом собралась

огромная толпа людей. И всё же мне удалось мельком увидеть милое моему сердцу лицо Ирочки, такое красивое и светлое, но совершенно неподвижное. Я тихо завыла и бросилась под её кушетку. Больше я никогда не видела моей девочки.

С этого дня всё в доме изменилось. Стало заметно темнее, а вязкая тишина заполнила всё пространство квартиры. Со временем Бабушка перебралась в комнату Ирочки, но я по-прежнему забегала туда в надежде, как обычно, если повезёт, лизнуть тёплую ручку моей девочки. Но её там не было, и с этим невозможно было примириться. Теперь все заботы обо мне приняла на себя Бабушка. Мама и Папа возвращались с работы домой довольно поздно. Бабушка кормила их ужином (в такие минуты кое-что перепало и мне), убирала со стола, не сходя с места, и мыла посуду. Какое-то время все оставались в кухне, о чём-то тихо разговаривая, а затем также тихо разбредались по своим комнатам. Я часто видела слёзы в их глазах, которые они старались скрыть друг от друга. Порой из спальни доносились Мамины глухие рыдания, разрывающие мне сердце. Бывало, кто-то из них брал меня на руки и, окунувшись в безмолвие, нежно гладил. В такие моменты мне казалось, что и от меня есть хоть какая-то польза. Мой быт почти не изменился. Те же прогулки, та же еда, и только игры и ласки стали реже. Однажды Бабушка так определила амплуа каждого из членов семьи в моей жизни. Себе она отвела роль кормилицы, Папа был в ответе за соблюдение дисциплины, а Маме теперь предназначалась исключительная миссия быть любимой. Мне с этим не сложно было справляться. Я просто перенесла на Маму свою нерастраченную к Ирочке любовь.

Рана не заживала, но боль постепенно теряла обжигающую остроту. Время делала свою едва различимую, но такую важную работу. Я незаметно переросла свой пубертатный возраст (каков лексикон!). Надеюсь, вы не забыли про мой интеллект и сообразительность. В семье всерьёз заговорили о том, что не за горами мой брачный период. Начался скрупулезный отбор кандидатов на роль пред-

полагаемого партнёра, при этом признаюсь, моего мнения никто не спрашивал. Во время жарких обсуждений звучали, на мой взгляд, просто омерзительные слова: сучка, случка, кобель, вязка, течка и другие. Разве можно такими словами описывать любовные (ну и что, что собачьи?) утехы. К тому же мой темперамент то ли по молодости, то ли из-за отсутствия опыта не проявлял никакого интереса к ожидаемому процессу. В конце концов, определился победитель кастинга родословных. Только сейчас я ощутила с некоторой тревогой всю неотвратимость надвигающегося события.

И этот день настал. Папа усадил меня в сумку, и мы поехали на встречу с моим будущим супругом. Им оказался четырёхлетний красавец по кличке Граф. Ну, Граф так Граф. Процесс знакомства (обнюхивания) много времени не занял. Мне, как любой женщине, захотелось обратить на себя его внимание. Я, как умела, даже попыталась заигрывать, но мои усилия были тщетны. Граф бесцельно, как мне показалось, суетился, невзирая на активно демонстрируемую мною благосклонность. Его индифферентность могла соперничать только с моей растерянностью. Кончилось тем, что мы улеглись в разных углах комнаты и задремали. Сконфуженный владелец Графа стал сбивчиво говорить, что такого с Графом ещё не было, что он достаточно опытный боец на супружеском фронте, намекая на то, что во всём виновата только я. Представляете, как обидно мне было это слышать. Кроме того, он ещё произнёс странную фразу: «Сучка не захочет, кобель не вскочит», чем поверг меня в крайнее недоумение. В итоге решили завтра снова всё повторить.

Поначалу новая попытка ничем не отличалась от вчерашней, но постепенно Граф стал проявлять некоторую заинтересованность и активность. Его владелец в надежде ускорить процесс пустился во все тяжкие. Он подобрался ко мне сзади и стал демонстрировать Графу отвратительные телодвижения, побуждая его личным примером к повторению подобных действий. Папа наблюдал за этим с явной иронией и плохо скрываемым

удивлением. Однако, как ни странно, урок не прошёл даром. Случилось то, что должно было случиться. Крепость пала. Папа облегчёно вздохнул, а на лице владельца Графа заиграла горделивая улыбка. Я же, признаюсь, испытала лишь чувство неловкости и определённые неудобства.

С этого дня отношение ко мне и без того безупречное стало ещё лучше. Первый месяц моей беременности, а именно так, мне объяснили, называлось моё состояние, протекал вообще без особенностей. Лишь небольшая прибавка в весе и слегка припухшие соски выдавали моё, как в народе говорится, интересное положение. По мере приближения к решающему дню меня стало одолевает беспокойство. Я напряженно слонялась по комнатам в поисках тихого уединенного уголка, где я смогла бы обустроить удобное тёплое лежбище для моего будущего потомства. От моей наблюдательности не могло укрыться, что Папа и Мама тоже начали слегка нервничать. Шутка ли – первые роды... Велико ли будет потомство? Что с ними делать? Как и кому их потом отдавать? Как раз недавно они прочитали, что у малых пуделей рождается до четырёх щенков. В общем, волновалась не только я, но и они тоже. Неотвратимо приближался такой важный для меня день. Я не находила себе места, наотрез отказывалась от еды, только пила воду и нервно взбивала свою подстилку. Спустилась ночь, все разбрелись по своим комнатам, погас последний светильник над кушеткой Бабушки. Я тоже улеглась и вдруг почувствовала – началось. Не стану нагружать вас подробностями этого непростого процесса, скажу лишь, что к утру всё было кончено. Я лежала обессиленная на боку, а рядом, плотно обхвативши беззубым ртом мой тяжёлый сосок, лежало только что рождённое мною существо. И как ни странно – только одно. По внешним признакам малыш выглядел вполне здоровым детёнышем. Когда все проснулись, то были поражены, увидев эту замечательную картину. Бабушка удивилась тому, как чисто было вокруг, забыв, очевидно, что я всегда отличалась особой опрятностью. Мама не могла поверить тому, что родился всего один щенок.

Зато автоматически исчезала проблема с его дальнейшей судьбой. По негласным правилам одного щенка из помёта следовало отдать владельцам кобелька за его старания.

Материнский инстинкт у меня проснулся не сразу. Первые дни после появления детёныша мною руководило лишь чувство долга. Я интуитивно чувствовала, что моему малышу жизненно необходимы были тепло моего тела и молоко, которого было в избытке. Я старалась ненадолго покидать наше лежбище, только чтобы поесть и побыстрому переделать все дела за время очередной прогулки. Спустя две недели у ребёнка открылись глазки, и на этом закончился покой в доме. Сначала малыш научился ползать вокруг нашего гнезда. Мне постоянно приходилось следить, чтобы он далеко не отползал, и тогда я нежно прихватывала его за холку и возвращала на место. Но уже спустя месяц, он уверенно стал делать первые шаги навстречу самостоятельной жизни. Теперь за ним требовался глаз да глаз. Причём не только мой. Пол иногда покрывался в самых неожиданных местах его продуктами жизнедеятельности, которые не всегда удавалось вовремя убрать. Честно говоря, это меня беспокоило мало. Моё дело было обеспечивать ребёнка свежим материнским молоком. Уже начиная с четырёх недель, у него стали пробиваться зубки, и ему в рацион начали добавлять творог, овощи и даже перекрученное свежее мясо. Я без ревности реагировала на такое пищевое разнообразие, потому что меня тоже не обижали. Щенок подрастал и хорошо прибавлял в весе, и даже стали вместе со мной выводить на прогулку. Когда же ему исполнилось два месяца, мы вынуждены были с ним расстаться. Неожиданно для себя я довольно спокойно перенесла разлуку со своим единственным ребёнком. Очевидно такова наша сучья сущность.

Шли годы. Невзирая на то, что я всеми фибрами своей собачьей души стала ощущать себя зрелой дамой, моя жизнь существенно не изменилась. Мой быт, как и прежде, не отличался разнообразием. Ежедневные вычёсывания (Папа делал это лучше всех), раз в месяц купание (эта процедура оставалась за Мамой), раз в три месяца

стрижка, которую уже мастерски освоил Папа, двухразовые кормёжки (обеспечивались, сами понимаете, Бабушкой) и прогулки (с кем придётся). Во время вечерних прогулок я, как обычно, встречалась с моей засидевшейся в девках подружкой Тусей. Мы с удовольствием перетягивались, живо обсуждая наиболее интересные события нашей кажущейся, на первый взгляд, монотонной жизни. Тем не менее, нам всегда было, о чём поговорить. Порой, как бы ненароком, как бы вскользь, я напоминала ей о промелькнувших, как метеоры, в моей жизни однодневном супружестве и появившемся в результате этого ребёнке. Эта тема, на мой взгляд, давала мне некоторые преимущества перед моей не познавшей радости материнства подружкой. К сожалению, дальнейшая судьба моего ребёнка и его отца осталась мне неизвестной.

Однажды во время купания Мама обнаружила у меня на животе небольшое уплотнение. При надавливании я тихонько повизгивала. Решили показаться ветеринару. Там вновь, к сожалению, прозвучали уже знакомые мне пугающие слова: рак и опухоль. После малоприятного обследования доктор вынес уже совсем неприятный приговор. «У вашего питомца злокачественная опухоль, называемая Кушинг, – сказал он Папе, – нужна операция. И делать её нужно, чем раньше, тем лучше». Решили не откладывать в долгий ящик. Вскоре я почувствовала лёгкий укол и отключилась. Когда я проснулась, всё самое неприятное осталось позади. Мне совершенно не было больно ни во время операции, ни после. На животе красовалась белоснежная повязка, которая сразу стала меня раздражать. Доктор предупредил Папу, что собака будет пытаться сорвать повязку, а этого ни в коем случае нельзя было допустить, пока не будут сняты швы. Он предложил приобрести у них специальный защитный воротник, который, как по мановению волшебной палочки, оказался в его руках.

Я вышла оттуда уже с этой отвратительной штукой на голове. Этот воротник действительно не давала мне подбраться к повязке. Как я ни старалась избавиться от этого

украшения, но мои усилия были тщетны. Пришлось терпеть почти две недели.

Когда сняли швы и этот ужасный воротник, я, наконец, получила свободный доступ к затянувшейся ране, и стала её старательно зализывать, уверенная в том, что наши традиционные собачьи методы лечения ничуть не хуже возможностей официальной медицины. Но перед этим ужасным словом «рак» все

усилия оказались тщетны. Болезнь продолжала свою разрушительную работу. Я всё чаще и чаще вспоминала мою дорогую девочку. Папа, несмотря на свою занятость, водил меня по врачам на малоприятные осмотры и на уже вовсе неприятные процедуры. Папа недавно сменил место работы. Он часто уезжал в командировки. В тот день он должен был вечером вернуться из очередной поездки. К тому времени я уже себя чувствовала совсем плохо, но твёрдо решила его дождаться. Я понимала всю неотвратимость того, что связано с этим ужасным словом «рак», но было обидно, ведь ещё и 8-ми лет не прожила. Тихо заскулила и вновь передо мной, как в тумане, возник образ моей дорогой девочки. Ей было всего 16 лет.

Папа вернулся поздно вечером. Я, как обычно, бросилась его встречать, но смогла лишь с трудом подползти к его ногам. Папа, не раздеваясь, присел рядом со мной и

долго гладил меня, приговаривая разные приятные ласковые слова. Затем все собрались на кухне за чаем. Я, разумеется, была рядом.

Эпилог

От аэропорта «Жуляны» до нашего дома всего ничего. Я был уверен, что первым, кто меня встретит, будет Рэська. Обычно она мчится к двери, лишь только кто-нибудь из нас оказывается на лестничной клетке. И действительно, не успел я за собой закрыть дверь, как увидел лежащую у порога Рэську. Уезжая в командировку, я понимал, что ей недолго осталось, но сейчас на бедную собаку нельзя было равнодушно смотреть. Я нежно потрепал Рэську по холке и вошёл в дом. Она, пошатываясь, плелась за мной. За чаем в нашей кухоньке я вкратце, поскольку уже было достаточно поздно, рассказал маме и жене о наиболее интересных моментах моей поездки, и мы пошли спать. Проснулся я неожиданно рано и увидел в ногах рядом с кроватью Рэську, лежащую в необычной позе. Она была какой-то пугающе плоской и холодной. Холодной и твёрдой.

Я завернул тело в мягкий старенький плед и вынес на балкон. А днём по моей просьбе приехал мой друг, и мы с ним похоронили любимую собаку на заснеженном косогоре прямо напротив нашего дома.

17 января 2022 года

Сквозь толщу лет

Совсем недавно, сквозь толщу лет, до меня добралось письмо, написанное моей мамой шестьдесят один год тому назад жене папиного брата. Оно было найдено в ворохе сохранившихся бумажных свидетельств прошлого моей покойной сестры. Мне хватило даже мимолётного взгляда на его пожелтевшие страницы, чтобы почувствовать щемящую причастность к тому давно ушедшему времени. Это были годы, когда общение между людьми, живущими далеко друг от друга, осуществлялось главным образом путём переписки. Тогда ещё телефоны по-прежнему были не в каждой семье. Люди писали письма, которым доверяли всё от незначительных бытовых подробностей до самого дорогого и сокровенного, с нетерпением порою подолгу ожидая на них ответа.

Моя мама...
 Эта история, между прочим, чашка чая, был
 несколько раньше событий и фактически
 предвещания. В тот период из нашей
 семьи прибавилось не только Галочка,
 у нас человека-Танюша, и Вал-Фирс
 илии Катерини мы еще не знали.
 Вероятно, Галочка с малышкой уже
 дома, и из друзей за Габ, Кларочка,
 Фелиция скворца или пришлое
 Приходите в этот период...
 Галочка в роли мамы окажется не
 дастся тебе, и не будет тебя за-
 грузят тем, что тебе не по здоровью
 и не по силам.
 Я еще не совсем пришла в
 себя после наших парижских
 дел, а вы замечаете это дело
 было несколько раньше, а 4
 у нас было до 40 тысяч долларов
 и 80 тысяч евро, старовина

Было очень весело, приятно, хорошо
 приехали (моя, и родители от
 этого много радости, но приехали
 только так, и до сих пор удивляет
 нас, а ее все эти впечатления
 Ребята мы с вами помнят, что
 мы от нас (шниц) и про-
 шно, светились, особенно нево-
 зможно (25 [то-то] 350 рублей в месяц), про-
 проводили, но проводили через все
 Только одна...
 между прочим, бывшая из школы
 сестрица.
 У ребят образ жизни довольно ин-
 тересный: днем на работе, три
 раза в неделю, но вечерами на-
 ходил потявки в Вир, кроме
 того Вал, फिर нет (она 2
 раза в неделю) Общайтесь
 но мне, вольно работы или ха-
 тая. Но интересны и что хороше

по поводу, они друг, но друг чашка
 чаю, а это, поначалу, здорово
 Это, так сказать, любовь проше-
 щившая, а еще еще любовь
 предвещания. Младенца через 4
 месяца от Крочи Катерини по-
 дарка, на сей раз нарядно за-
 называли девочку. Кто поначалу
 жилось понаест. Дочь бы бы
 порою и благополучно.
 Конечно не мешало бы, чтобы
 расширили семьи, расши-
 рили бы и приплоды, но
 Фирс мне радостно.
 В общем, как видите, мы до
 мы еще до такой поры, когда
 все новости и люди не от нас
 а от детей, а мы так, открыли
 поначалу, но в общем по правде,
 все это всемирно соединили и
 морально, и материально, и даже

Физически - держите письмо на нас
 В конце ноября от нас придет
 из Парижа (бывший на письмо)
 у вас тоже только из парижского
 юрис прит мне.
 Ну вот о нас и все. С наде-
 ждой ждем Вашего подробного письма
 о новом человеке: как звать, как себя
 ведет, дайт-ли чью-то статью. Как себя
 чувствует Галочка? И как вы с
 Натальей и Фирсом поживаете
 и у ребят пишете, Кларочка?
 Как здоровье Наташи?
 Пишите, пишите, очень ждем
 Вашего письма. Крепко целуем
 Вашу Риту.
 Собираю, пишу и т.д.

Я буквально проглотил эти четыре странички, написанные таким знакомым и дорогим мне решительным маминим почерком. Но мне этого было мало, и я перечитывал письмо вновь и вновь.

В результате захотелось поделиться с тобой, мой дорогой любознательный читатель, бесхитростными бытовыми строчками этого письма, снабдив их своими комментариями. Для сохранения аутентичности я не позволил себе даже малейшей корректировки.

Мои дорогие.

Итак ноябрь месяц для наших семей был месяцем больших событий и взаимных поздравлений. В каждой из наших семей прибавилось по новому человеку: у нас невестка — Танюша, у вас — внучка, имени которой мы ещё не знаем.

Это письмо написано в середине ноября 1961 года. На тот момент ещё безымянную девочку (дочку, внучку), родившуюся 4 ноября 1961 года в семье Строевых-Хенкиных, впоследствии нарекли Еленой. Леночка моя любимая племянница, с которой меня уже много лет связывают не только родственные узы, но и крепкая, трогательная дружба. Я горжусь и дорожу этими отношениями. Всё начиналось ещё в их квартире в Сокольниках, чему способствовали мои в прошлом частые командировки в Москву. Наши тесные контакты не ослабели и по сей день, хотя обе стороны уже неоднократно меняли свои пристанища. Мы продолжаем к взаимному удовольствию видеться друг с другом то на нашей, то на их территориях.

Вероятно, Галочка с малышкой уже дома, и я дрожу за тебя, Кларочка, вспоминая сколько мне пришлось трудиться в этот период. Надеюсь, что Галя в роли мамы окажется на должной высоте и не будет тебя загружать тем, что тебе не по здоровью и не по силам.

Кларочка, она же Тётя Клара, она же Клавдия Михайловна была, как говорится, «стопроцентной одесситкой». Впрочем, она была из лучших. В ней всё было притягательно. Эти лучистые глаза и солнечная улыбка, неповторимый одесский юмор и воздушная лёгкость характера,

очаровательная восторженность и мягкое грассирование. Единственное, как мне казалось, что её отличало от своих земляков, это полное отсутствие практической хватки и незащищённость от внешних невзгод. Но даже и в этом был какой-то дополнительный шарм. Тётя Клара очень рано серьёзно заболела. Врачи диагностировали у неё тяжёлую форму мерцательной аритмии на фоне стенокардии. Но, благодаря своему неиссякаемому оптимизму, она никогда не была в тягость своим близким. Лишь лёгкая бледность и неторопливость движений выдавали степень её состояния. В такие минуты дядя Шура (старший брат моего папы) тихим голосом произносил: «Старшая (так он называл её)», ну, что ты носишься. Прими что-нибудь и приляг».

Я ещё не совсем пришла в себя после наших matrimониальных дел. 2го они записались. Это дело было несколько вспрыснуто, а 7го у нас было до 40 человек молодёжи и 8го столько же «стародёжи».

Было очень весело, приятно, хорошо. Приезжали Женя со Светой и Лизочкой, приезжала Люба, я получила от этого много радости, но признаться устала очень, и до сих пор удивляюсь, как я со всем этим справилась.

Да, обеды в ресторанах могли позволить себе либо советская элита, либо советский же криминал. Теперь это уже почти забытые времена, а тогда даже многолюдные свадьбы справлялись в основном в домашних условиях. Из комнат выносились лишняя мебель, корявой змеёй выстраивались имеющиеся в наличии столы, к которым приставлялись, принесенные от соседей стулья табуретки и даже скамейки. Блюда к столу готовились заблаговременно, заполняя собой соседские холодильники в ожидании предназначенной им участи. Шутка ли, кормить два дня подряд по 40 человек! В праздничное меню в обязательном порядке входили: холодец, винегрет, салат оливье, селедка под шубой и жаренные куриные окорока, которые должны были корчить из себя цыплят табака. В общем, это было сыто, пьяно и весело.

Ребятам мы сняли комнату, недалеко от нас(минут 10 ходу) хорошую, обставленную, сравнительно недорого (35,

тоб-то 350 рублей в месяц), правда проходную, но проходит только одна хозяйка этой квартиры. Между прочим, бывшая моя школьная соученица.

Неизвестно почему, но я до сих пор помню её имя и фамилию — Лиза Тартаковская. Это была весьма апломбированная дама (пардон, не удержался), смотрящая на всех свысока, давая понять, что наша жизнь её совершенно не интересует. И всё было бы терпимо, если бы не одно незначительное обстоятельство. Стоило нашей кровати начать ритмично предательски поскрипывать, как хозяйка квартиры тотчас же выпархивала из своей комнаты, плавно проплывая мимо нас, якобы в туалет. В конце концов мы привыкли и к этому.

У ребят образ жизни довольно утомительный: днём на работе, три раза в неделю, по вечерам на курсах подготовки в ВУЗ, кроме того Валя учится петь (тоже 2 раза в неделю). Обедать ходят ко мне. Словом работы им хватает. Но настроение у них хорошее. По моему, они друг на друге помешаны, и это, пожалуй, главное.

Этот абзац насыщен информацией, как ни один другой. Мы действительно уходили из дому ни свет ни заря, а возвращались поздно вечером даже в дни, когда никаких занятий не было. Успевали ещё повстречаться с друзьями. Мамины обеды, которые с благодарностью вспоминаем до сих пор, были для нас настоящей палочкой-выручалочкой. Во-первых — всегда своевременно, а во-вторых — вкусно. Но две фразы этого отрывка меня особенно удивили. Впервые мама меня назвала — Валя. В семье меня всегда называли только Валик. Да и это тоже странно. Зачем же было записывать меня Валерием? Ну, да ладно. Что же касается фразы «они друг на друге помешаны», то нам всегда казалось, что мы были образцом скромности. Однако со стороны, тем более заинтересованной, виднее.

Это, так сказать, новости происшедшие, а есть ещё новости предстоящие. Месяца через 4 ожидаем от Ирочки второго подарка, на сей раз настойчиво заказываем девочку. Что получится — жизнь покажет. Лишь бы всё было хорошо и благополучно.

Да, действительно все хотели девочку. Даже имя уже придумали — Алёна. Но вмешиваться в генетические замыслы природы дело явно не благодарное. 9 марта моя сестра Ира благополучно разрешилась вторым сыном, которого назвали Алёшей, что не многим отличается от имени Алёна. Мальчик получился замечательный.

Конечно, не мешало бы, чтобы с расширением семьи расширилась бы и жилплощадь, но увы, видимо легче родить.

В общем, как видите, мы дожили уже до такой поры, когда все новости исходят не от нас, а от детей, а мы так скрипим понемногу, хотя, говоря по правде, всё это сооружение и морально, и материально, и даже физически,- держится на нас.

Известно, что «ничто так не портит людей, как квартирный вопрос». Однако к нашей семье эта аксиома не имеет ни малейшего отношения. Когда руководству строительного треста, где работала Ира, стало известно о появлении у неё второго ребёнка, они неожиданно проявили тщательно сдерживаемый гуманизм, выделив ей трёхкомнатную квартиру в Дарнице. Не успели мои дорогие родители, вздохнув с облегчением, вкусить воздух свободы, как мы с радостными воплями заполнили освободившееся пространство. Свято место пусто не бывает. Что же касается внезапно просочившихся в письме пессимистических ноток, то могу со всей ответственностью засвидетельствовать — продолжение их активной творческой и не только деятельности до самых последних дней. Папа продолжал регулярно публиковаться, у него ещё вышли в свет три сборника стихов; а мама стала весьма успешно помогать незадачливым диссертантам в написании их диссертаций,

которые им удавалось впоследствии защитить.

В конце ноября от меня уходит моя работница (выходит на пенсию), и вот тогда только я почувствую, почём фунт лиха.

Ну вот о нас и всё. С нетерпением ждём вашего подробного письма о новом человеке: как зовут, как себя ведёт, даёт ли ночью спать? Как себя чувствует Галочка? И как вы оба? Наступило ли вместе с похолоданием и у тебя улучшение, Кларочка? Как здоровье Наташи?

Пишите, милые, очень ждём вашего письма. Крепко целуем. Ваша Рита.

Моей дорогой маме действительно пришлось познать, «почём фунт лиха», но вовсе не из-за ухода домработницы. Она прожила ещё почти 28 лет, пережив многих горячо любимых ею людей. В том числе своего дорогого мужа — моего папу (1973), с которым прожила душа в душу более 40 лет, обожаемую внучку Ирочку (1980) и любимого брата Женю (1985). К сказанному хочу процитировать строчки, написанные Танюшей о моих родителях:

«Моя дорогая свекровь, пусть земля ей будет пухом, не оставила нас без своей поддержки до самого своего последнего часа. Все тяжкие годы родители были с нами, сначала вдвоем, а потом, когда не стало дорогого Исаака Яковлевича, всю тяжесть переняла на себя наша мама, дорогая Маргарита Эммануиловна.

Я многим, что во мне хорошего есть, обязана обоим родителям моего мужа. Низко кланяюсь и благодарю за все, что я получила от них. Святые люди».

Письма, написанные мамой, всегда завершались так:

Обнимаю, целую, Изя.

Мама исправно служила, как бы сейчас сказали, пресс-секретарём нашей семьи. Но последнее слово всегда было за папой. Причём оставалось ощущение, что его объятия и поцелуи относятся не только к адресату, но и к маме в благодарность за обстоятельное письмо.

Июль, 2022 год.

Оглавление

Хотят ли русские войны... ..	3
AmKaRe	17
Когда б не зной... ..	27
Оздоровительный реабилитанс.	34
Мечты о жизни на «колёсах»	55
«Одинокий пишущий человек»	69
Две стороны одной медали	74
Кресло	92
Термальбад.	99
Рэська	111
Сквозь толщу лет.	133

Валерий Золотаревский

Аритмия

Безответственный редактор – В. Золотаревский
Компьютерная вёрстка – Г. Пакман
Контроль на линии – Т. Золотаревская
Подписано в печать – немедленно
Печать цифровая
Тираж – ограниченный
Отпечатано в Кёльне

Кёльн 2022

